

Эмма Скотт

Свет
между
нами

18+

С ТОБОЙ Я ВНОВЬ УВИЖУ РАССВЕТ

Freedom. Романтическая проза Эммы Скотт

Эмма Скотт

Свет между нами

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Скотт Э.

Свет между нами / Э. Скотт — «Эксмо», 2015 — (Freedom.
Романтическая проза Эммы Скотт)

ISBN 978-5-04-112399-4

Шарлотта Музыка жила и расцветала в моем сердце, выливаясь в совершенную гармонию, наполненную любовью. До тех пор, пока случившееся, не разделило мою жизнь на Прошлое и Настоящее. Прошлое было светом, любовью и музыкой. Настоящее стало темнотой, холодом и тишиной. И теперь я беспомощно падаю, глядя на приближающуюся землю. Ной Адреналин был моим топливом. А я – спортсменом-экстремалом. Пока очередной прыжок со скалы не обернулся крахом. И моим спутником раз и навсегда стала кромешная тьма. Теперь каждую ночь мне снится кошмар: белый снег и голубое небо, золотые переливы заката и изумрудная вода. Все то, что я не увижу уже никогда. Жизнь, которую он знал, разрушена. Жизнь, о которой она мечтает, просто недостижима. Но если свет не разглядеть в одиночку, возможно, кто-то другой сможет зажечь его для тебя?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-112399-4

© Скотт Э., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Благодарности	6
Посвящается	7
Акт I	8
Пролог	9
Глава 1. Прошлое	11
Глава 2. Настоящее	17
Глава 3	24
Глава 4	28
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	45
Глава 8	54
Глава 9	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Эмма Скотт

Свет между нами

Emma Scott

RUSH

Copyright © 2015 by Emma Scott

Дизайн переплета, макет Юрия Щербакова

© Павлива Н., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Благодарности

Огромное спасибо моим доблестным и вдумчивым читателям, которым пришлось читать неотредактированный текст, чтобы высказать мне свое честное мнение: Доне Дешазо Геринг, Нике Кроуфорд, Эрин Томассон Кэннон, Дженнифер Шарп, Саре Фэй Муллинс и Шерри Фрай.

Особую благодарность выражаю Кэт Эллиот за ее душевную и безусловную поддержку; Кэтрин Рипли за ее корректуру (любые оставшиеся в тексте ошибки – мои); Джанин Хелл за ее рекомендации и советы относительно музыкальной составляющей книги; моему мужу за его безграничную поддержку и ободрение; Национальной федерации слепых США и Американскому совету слепых за их бесценные ресурсы и услуги.

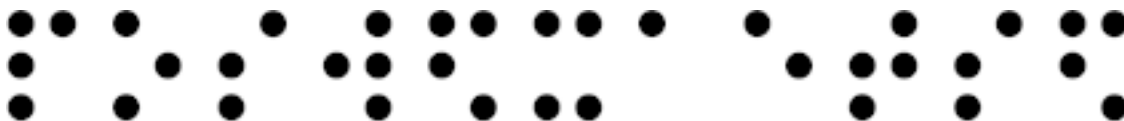
От души благодарю Эрику Хаджис, неустанная поддержка, потрясающее великодушие и самоотдача которой согревали мне сердце.

Словами не передать, как я благодарна книжным блогерам и моим фанатам, которые поддерживали меня, как могли. Спасибо, что не жалели своего времени, распространяли информацию о моих книгах и помогли мне держаться на плаву, хотя порой мне казалось, что я вот-вот утону. Спасибо, спасибо, спасибо!

Эта история – художественный вымысел. Все имена, персонажи, места и события либо являются плодом авторского воображения, либо использованы в художественной манере. Любые совпадения с подлинными событиями и реальными личностями, как ныне живущими, так и покойными, совершенно случайны. Ради этой истории я позволила себе немного лишнего: в том, что касается конкретного банкетного зала в общеизвестном месте. Во всем остальном я постаралась изобразить Нью-Йорк настолько реалистично, насколько он хранится в моих воспоминаниях. Хотя, чтобы показать этот город во всей его уникальной красоте, требуется писательский талант куда лучший моего.

Посвящается

Эрин Томассон Кэннон, без поддержки, дружбы и советов которой в бесчисленные трудные часы эта книга, наверное, так бы и осталась пылиться на жестком диске. Благодарю тебя от всего сердца!

Предлагается к прослушиванию:

Вольфганг Амадей Моцарт
«КОНЦЕРТ № 5 ДЛЯ СКРИПКИ С ОРКЕСТРОМ»

Green Day
Сингл «GOOD RIDDANCE (TIME OF YOUR LIFE)»

(Нью-Йорк) проникает в самое нутро человека: он пьянит восторгом, будоражит кровь, молодит душу и дарит ощущение вечной жизни.
Уолт Уитмен

Быть слепым – не страшно, страшно не вынести собственной слепоты.
Джон Мильтон

Акт I

Адажио

Пролог

Ной

Я несусь на лыжах по склону Гранд Кулуар в Куршевеле, во Франции. По щекам хлещет ледяной ветер. Я скольжу зигзагом, петляя между выступами острых камней, взметая снег, все быстрее, все ниже, почти вертикально. Сердце колотится в груди, звук дыхания под лыжной маской напоминает рев атакующего кабана. По венам бежит не кровь, а чистейший адреналин.

Трасса изгибается вверх. Утес, но я не сворачиваю. Наклоняюсь, чтобы ускориться, и под лыжами больше нет опоры, я лечу...

...Я лечу, планирую. Надо мной нейлоновые паруса, и я крепко сжимаю регулировочную планку. Воздух теплый, небо отликает синевой и золотом – на Кахулуи опустились сумерки. Мой дельтаплан то ныряет вниз, то воспаряет вверх. Ветер меняется, и я лечу в его потоке, все выше и выше, пока острова подо мной не начинают казаться лужицами песка в зеленой огранке.

Я устремляюсь вниз, затем взлетаю по дуге, почти делаю сальто. Из горла вырывается победный крик, и я мчусь ввысь, поймав воздушный поток. Я почти касаюсь солнца, как Икар, только крылья моего дельтаплана не горят. Я парю.

Поднявшись достаточно высоко, я резко пикирую вниз. Тросовые растяжки натягиваются и лопаются, каркас ломается и на парусах рвется нейлон. Я остаюсь один на один с океаном. Струшу? Нет! Я несусь головой вниз, приготовившись взрезать руками воду. И ныряю...

...Ныряю с крутого утеса Ла Кuebрада в Акапулько, со 136-футовой высоты. У меня всего пять секунд перед тем, как волны снова отступят и прыгать станет небезопасно. От возбуждения и страха я весь словно сплошной комок нервов. Кровь бурлит в жилах; это чувство на грани оргазма, почти невыносимо. Я прыгаю вниз с победным криком, ведь я неуязвим.

Вода спешит принять меня, и я стрелой пронзаю ее холодную зеленовато-синюю гладь. Вниз, еще ниже, туда, где в изумрудной глубине танцуют золотые песчинки. Я не останавливаюсь, даже не замедляюсь – не могу. На глубине победа над стихией начинает душить меня. Легкие горят огнем, барабанные перепонки лопаются, но я продолжаю погружение. Вода теперь темно-зеленого цвета, потом просто темного, затем черного. Я не могу вздохнуть и ничего не вижу. Ударяюсь головой о каменные зубцы, и все затмевает боль...

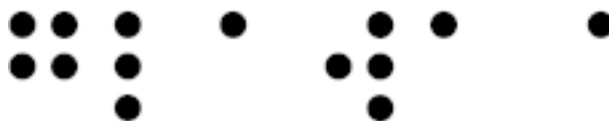
Из горла вырывается крик, наверное, мой последний, и я тону в черной бездне. Но нет, я могу кричать, значит, могу и дышать. Я не под водой и не затерялся в глубине. Я лежу в своей кровати в Нью-Йорке, весь в поту, вцепившись пальцами в простыни.

Волна облегчения накрывает меня, подобно адреналину несколько минут назад, и я открываю глаза. Мои веки уже открыты. Я уже не в черной бездне, но перед глазами по-прежнему тьма. Я ничего не вижу.

Я слеп.

Глава 1. Прошлое

Шарлотта

Кит, как обычно, был нежен. Мне хотелось сказать ему, чтобы он не сдерживал себя, что все хорошо. После восьмого раза – да, я продолжала считать, – мне уже давно не было больно. «Он просто чуткий», – говорила я себе. Чуткий, но страстный, даже чересчур. Поэтому все вновь закончилось прежде, чем раскачалась я сама, и спустя несколько минут Кит уже расслабленно рухнул на меня. Он поднял голову с моего плеча, и его усталая удовлетворенная улыбка согрела мое сердце, хотя тело изнывало от неутоленного желания.

Секс был для меня в новинку, но нравился мне, и очень сильно. И это учитывая то, что я ни разу не достигла наивысшей точки наслаждения. В свой двадцать один год я была крайне неопытна. Казалось, немного практики – и все получится, и я была более чем готова заняться ею со своим парнем. Моим первым парнем. Моей первой любовью.

Я потянулась к Киту, но он перевернулся на спину и поцеловал мою руку.

– У меня занятия, – сказал он, – а у тебя, солнце мое, сегодня прослушивание. Самое важное в твоей жизни.

– На данный момент, – улыбнулась я. – Окончу Джульярд¹ и поеду в Филадельфию. Или в Бостон.

И старший брат будет мной гордиться.

В голове эхом отдались прощальные слова Криса, сказанные им перед моим отъездом в институт музыкального искусства: «Сначала Джульярд, потом филармония!» Я повторяла их словно молитву, поклявшись самой себе претворить его слова в жизнь. Место в квартете «Струны весны», ведущем проекте Кита, станет первым шагом в этом направлении и «галочкой» в резюме.

В голову пришла мысль, от которой улыбка слегка померкла. Я повернулась к Киту.

– Если я сегодня получу место в оркестре, не подумают ли, что мне его отдали из-за тебя?

Кит натянул джинсы. Он стоял спиной ко мне, и его светлые волосы поблескивали в свете, льющемся из крохотного окошка.

– Возможно, подумают, – ответил Кит. Он повернулся, наклонился над кроватью и нежно меня поцеловал. Когда он отстранился, на его губах играла та очаровательная улыбка, от которой все еще, спустя месяц, сердце в груди трепетало, точно птичка в клетке. – Так что лучше постарайся убедить их в обратном.

¹ Джульярд (Джульярдская школа) – одно из самых престижных высших учебных заведений в области искусства и музыки. Расположен в Нью-Йорке.

Без двадцати шесть я шла по Бродвею со скрипичным футляром в руке. Белая блузка, черные юбка-трапеция и пиджак мало подходили для сегодняшней погоды, но легкий ветерок помогал справиться с этой дневной жарой. Стоял как никогда потрясающий весенний день. Если бы на Нью-Йорк налетел ураган, я бы и бровью не повела. Я чувствовала себя непобедимой.

Я точно знала, что получу желанное место в квартете, и самомнение тут ни при чем. Я поступила в Джульярд три года назад, и с того времени музыка, жившая в моем сердце, расцвела, как мне и не снилось. Я не просто мастерски исполняла музыкальные композиции, а создавала совершенную гармонию, наполняя их своей любовью. Любовью к музыке и к жизни.

А теперь и любовью к Киту. Из всех женщин, стайками вившихся вокруг него, точно голуби вокруг статуи, он выбрал меня. Казалось, сердце разорвется от переполнявших его чувств. Однако место в квартете я заработаю честно, поскольку отдам игре всю себя.

Конечно, я сыграю Моцарта, произведение своего духовного наставника, взывающего ко мне сквозь века совершенной, по моей оценке, музыкой. Я чувствую ее каждой клеточкой своего тела, всей душой, и хотя я всегда играю с открытым сердцем, с Моцартом я раскрываю свою истинную сущность.

Первые три ряда концертного зала имени Элис Тулли занимали подающие надежды музыканты. Одни бормотали себе что-то под нос, другие бросали на меня уничижительные взгляды. Все знали, что я встречаюсь с Китом, но это не имело значения. Во мне жила музыка, и я собиралась выпустить ее на волю.

Я исполнила для Кита и двух взиравших на меня с сомнением руководительниц-студенток, как и он учащихся на последнем курсе, великолепную каденцию к концерту Моцарта № 5 для скрипки с оркестром. Я настолько ушла в музыку, что не видела, как выражения их лиц смягчаются, а сомнения сменяются потрясением и восторженной радостью. Насколько погрузившись в нее, я не замечала, как, слушая мою игру, перестают хмуриться мои соперники-музыканты. Я жила музыкой до самого конца и очнулась от аплодисментов – тихих для почти пустого зала, но оглушительных для выступающего. Они словно пробудили меня от сладкого сна.

Меня обступили со всех сторон, осыпая комплиментами и поздравляя, хотя не прошло даже половины выступлений. Одни вытирали с глаз слезы, другие качали головой.

– Потрясающе. Пробрало до глубины души.

– Безумно завидую тебе, но в хорошем смысле, клянусь!

– А я-то считал тебя просто новой пассией Кита...

Это фраза меня зацепила:

– Новой пассией?..

Однако меня тут же подхватил и закружил в воздухе Кит.

– Мы отхватили себе суперзвезду? – смеялся он. И чмокнув, прошептал на ухо: – По-моему, я люблю тебя, Шарлотта.

Глаза защипало от слез. Мое сердце точно не выдержит и взорвется от счастья. Я поцеловала его, вложив в поцелуй все свои чувства.

– Я тоже тебя люблю.

До премьеры концерта оставалась неделя.

Я отдыхала в своей комнате студенческого общежития вместе с Мелани Паркер. Она выиграла в «Струнах весны» завидное место виолончелистки, и к концу первой сыгровки, прошедшей месяц назад, мы уже стали с ней лучшими подругами. Своим прагматизмом и стрижкой «паж» на темных волосах она напоминала мне Велму из старых мультфильмов, которые мы с Крисом смотрели в детстве. Я читала в интернете глупые шутки, и мы с Мелани смеялись над ними.

– О, подожди, вот хорошая. В чем разница между пианистом и богом?

– Ты это серьезно?

– Бог не считает себя пианистом, – я игриво поиграла бровями.

– Да ну тебя. Как может такой талантливый человек, как ты, быть такой легкомысленной хохотушкой? Это выше моего понимания.

Я со смехом пожала плечами.

– А почему все музыканты обязательно должны быть скучными и серьезными?

– Очередная шуточка?

– Хотя нет, не все музыканты такие, – задумчиво протянула я. – Моцарт в своих письмах никогда не брезговал сортирным юмором.

– Только ты находишь это очаровательным, – Мелани бросила взгляд на часы сквозь очки в форме кошачьих глаз. – Черт, мы опаздываем.

Мы собрались и уже пошли на выход, когда оставленный мной на столе мобильный зазвонил.

– Тик-так. Время идет, – заметила Мелани у двери, подняв футляр с виолончелью.

– Дай мне минутку, – я спешно вернулась к столу и взглянула на дисплей телефона. – Это бозменский номер. Звонят из моего родного города, – не родители и не Крис, их номера определились бы.

– Ты знаешь, как я «люблю» опаздывать, – нетерпеливо постучала ногой по полу Мелани.

Лучше бы я послушала ее и не ответила на звонок. Лучше бы оставила мобильный на столе и пошла на репетицию. У меня было бы еще несколько часов блаженного неведения, прежде чем случившееся, точно нож гильотины, разделило мою жизнь на Прошлое и Настоящее. Прошлое было наполнено светом, любовью и музыкой. Настоящее – темнотой, холодом и тишиной.

– Алло?

– Шарлотта? – спросил мужской голос, подрагивающий и задыхающийся от слез.

– Дядя Стэн?

– Привет, милая, – судорожный вздох, на грани рыдания. – У меня плохие новости. Тебе лучше присесть.

Грудь сдавило, сердце пропустило удар, а после заколотилось как сумасшедшее. Я не двинулась с места. Я оцепенела.

– Что случилось?

– Это касается Криса. Мне жаль. Мне так жаль...

Дядя Стэн поведал мне о случившемся, но я воспринимала его рассказ отрывочно, кусками. В конце концов, важно было только одно – Криса больше нет.

Его нет.

Теперь есть только Прошлое и Настоящее.

– Ты не будешь участвовать в премьере? – глаза Кита, цвета неба в безоблачный летний день, сейчас были ледяными. – Шарлотта, до выступления всего неделя.

Я подняла на него покрасневшие, опухшие, обведенные темными кругами глаза и еле слышно ответила:

– Через четыре дня похороны, – на большее не хватило сил.

– Да, я знаю, знаю, – Кит вздохнул, подошел и потрепал меня за плечо. – Боже, ну и дела. Бедняжка.

Раньше он никогда меня так не называл.

– Я что-нибудь придумаю, – продолжил Кит, – но твое место в квартете... займет другой человек. Ты ведь понимаешь это, Шарлотта?

Кивнув, я вытерла нос обрывком старой салфетки, которую все утро сжимала в руке.

– Понимаю, – я лишь слегка удивилась, как мало меня это беспокоило. На самом деле я не осознавала его слова в полной мере. Они словно доносились до меня откуда-то издалека, преодолевая космическое пространство.

Кит обнял меня одной рукой, продолжая стоять. Мою щеку царапала жесткая ткань бокового кармана его джинсов.

– У тебя все будет хорошо. Езжай и побудь со своей семьей. Мне хотелось бы поехать с тобой.

– Правда? – вскинула я на него глаза. В сгустившейся вокруг меня тьме забрезжил слабый огонек.

– Разумеется, это невозможно.

Мои плечи поникли.

– Сейчас мне нельзя никуда уезжать, но у тебя, малыш, все будет хорошо, – Кит легонько толкнул меня в плечо, будто он тренер, а я бейсболист младшей лиги, благодаря которому команда выиграла игру. – Вот увидишь.

Бозмен, Монтана. До моей поездки домой мне чудилось, что на земле нет места прекрасней этого. Я прилетела в полдень, но Галлатинская долина казалась темной и мрачной, как человек с похмелья после долгой и бессонной ночи.

Полет прошел как в тумане, поездка из аэропорта в компании дяди Стэна – словно в кошмаре. Он боялся со мной заговорить, словно хватило бы малейшего звука, чтобы я расплакалась. В его блестящем внедорожнике я ощущала себя заключенным в камере смертников. Однако приговорена к смерти была не я, а Крис. Это Крис мертв.

Крис умер.

Эта мысль в разных вариациях кружила в моей голове подобно танцующим скелетам, которых я видела как-то осенью в День мертвых². Однако постичь всю ее чудовищность я пока не могла: ни в Нью-Йорке, ни в самолете, ни в машине дяди Стэна. Но дома все могло измениться. Я никогда еще так не боялась встречи с родителями.

Прощание с покойным началось с момента «происшествия» и не прекращалось до сих пор. Я вошла в гостиную, обшитую кленовыми панелями, украшенную гобеленами с кореными американцами и благоухающую разнообразными ароматами, доносящимися с кухни.

Меня тут же окружили старые друзья и дальние родственники. Пришлось пробираться через лес натянутых печальных улыбок и утешительных слов, чтобы добраться до мамы. До Элейн Конрой, учительницы начальных классов. Она бродила по гостиной с зажатой в руке салфеткой и паникой в глазах, словно потеряла что-то и не может найти. Она и правда кое-чего лишилась – своего сына. И никогда его не вернет.

Она обняла меня и крепко сжала несколько раз, будто хотела убедиться, что я реальна и не выскользну дымкой из ее рук.

Джералд Конрой, мой папа, профессор математики, застыл молчаливой статуей. С его лица не сходило хмурое выражение. Он словно пытался решить ужасно сложную задачу, не имевшую решения.

Лошадь встала на дыбы и сбросила Криса. Он упал настолько неудачно, насколько это было возможно. Это никак нельзя разрешить, из-за этих простых и очевидных фактов в наших жизнях разверзлась зияющая черная пропасть.

Два дня спустя я стояла в пресвитерианской церкви, глядя на спящего в гробу брата. Он ведь просто спал, правда? Выглядел обычно. Высоко поднятый ворот рубашки скрывал месиво переломанных в районе шеи костей, в остальном же... Мой старший брат. Мой эталон. Мой лучший друг.

«Сначала Джульярд, потом филармония!»

Нет, Крис, сначала боль. А потом еще больше боли, пока мое будущее не утонет в слезах, которые всегда будут застилать глаза.

Я опустила на колени, уткнулась лбом в темное дерево гроба и сидела так, пока церковь каким-то образом не трансформировалась в мою спальню дома.

Два дня я не вставала с постели, но потом родители, боясь за окончание моей учебы, торопливо отправили меня в Джульярд. Они уверяли, что за них не нужно переживать и что с ними все в порядке. Конечно же, они лгали. Никто из нас уже не будет в порядке, и мы все это понимали.

Я летела в Нью-Йорк с ощущением, будто голова погружена в ледяную воду. Я понимала, что не сохранила место в квартете «Струны весны», и мне было все равно. Я с трудом добралась до своей комнаты в общежитии. О какой игре могла идти речь?

Однако я думала, что любимый мужчина будет ждать меня и поможет пережить самую страшную стадию горя. Надеюсь, что он будет рядом, когда я больше всего в нем нуждаюсь. Но Кит не ответил ни на один мой звонок, а когда я встретила его, он шел по Линкольн-центру в обнимку с Молли Киркпатрик – контрабасисткой квартета. Мое место отдали другой скрипачке, жизнь продолжалась.

Прошлое и Настоящее.

Радость, наслаждение, любовь... Они вознесли меня так высоко: выше, чем это возможно. Затем ветер изменил направление, и воздушный поток устремился вниз, отправив меня в свободное падение. И я беспомощно падала, глядя на приближающуюся землю.

Я вернулась в свое общежитие в Джульярде, положила скрипку в футляр и крепко закрыла.

² День мертвых – мексиканский праздник, посвященный памяти умерших.

Время не летит, оно плетется как черепаха, и я вместе с ним. Здесь, на земле, горизонт не такой уж и широкий, цвета не такие уж и яркие, и будущее со столь низкой точки обзора почти не просматривается. Но тут, внизу, намного безопаснее.

Глава 2. Настоящее

Шарлотта

Год спустя

Ну, началось...

Я прижала к лицу подушку, но это не помогло: из-за тонкой стены по-прежнему доносились сладострастные вскрики Реи и редкие, но выразительные стоны Коллина. Симфония плоти, частенько служившая мне будильником. Я бросила взгляд на часы из-под подушки. Полседьмого, мне следовало встать четверть часа назад. Спасибо соседям, что разбудили меня. Возможно, благодаря их неутолимому сексуальному аппетиту мне в кои-то веки удастся принять душ первой.

Сбросив покрывало, я поспешила к нашей единственной ванной в квартире, но обнаружила, что меня опередила Эмили. Она напевала под звук льющейся воды.

– Черт.

Я прошла по короткому коридору на кухню. Может, хотя бы получится в одиночестве насладиться чашечкой кофе? Какой там. Мой четвертый сосед по квартире, Форрест, уплетал кашу за стойкой. В линзах его очков отражался идущий от ноутбука свет. Он поднял на меня взгляд.

– Привет.

– Привет, – тихо ответила я, обрадовавшись уже сваренному кофе. – Эмили сегодня рановато встала, – я постаралась не показывать раздражения в голосе.

– Она ведет детей в зоопарк Центрального парка. У их матери официальный ланч или что-то в этом роде, и ей сегодня нужен пустой дом.

«Пустой дом». Что бы я только ни отдала за такое...

Эмили работала няней и вносила основную часть платы за съемную квартиру. По этой причине они с Форрестом занимали самую большую спальню, Рея и Коллин – среднюю, а мне, одиночке, досталась крошечная комнатка в задней части квартиры с потрясающим видом на кирпичную стену соседнего здания. Однако это означало и самую маленькую плату за съем, обходившуюся мне в тысячу двести долларов, которая и так серьезно ударяла по моему бюджету.

Мне приходилось напоминать себе, что все могло сложиться хуже. Гораздо хуже. Я могла жить в кишасей мышами квартире, расположенной в опасном районе, а не в Гринвич-Виллидже. Мне удалось устроиться на Манхэттене. Ладно, скорее не устроиться, а зацепиться за него. На самом деле я висела на волоске, но не где попало, а на Манхэттене. Это ведь что-то да значит?

Я так широко зевнула, что хрустнула челюстью, чем привлекла внимание Форреста.

– Не выпалась из-за спонтанного поэтического слэма Коллина? – Он кивнул в сторону гостиной, усеянной следами ночных посиделок соседа: переполненные окурками пепельницы, пустые бутылки и россыпи бумаги. В воздухе все еще висела тонкая дымовая завеса от сигарет.

– Мне это не впервой, – я налила себе чашечку кофе.

– Сыграла бы им, положила конец их страданиям, – ухмыльнулся Форрест. – Им, наверное, только плача одинокой скрипки и не хватало, чтобы дойти до края и упасть в черную бездну боли.

Я натянуто улыбнулась. В моей заявке на съем жилья говорилось лишь о том, что я окончила Джульярд со степенью бакалавра, однако я редко практиковалась и никогда не делала этого дома. Если им и было любопытно, почему я не хожу на прослушивания, они меня об этом не спрашивали.

Из ванной вышла Эмили. Она была в халате и с еще влажными светлыми волосами.

– Работаешь этим утром? – спросила она меня и чмокнула Форреста в щеку.

– Конечно, – ответила я, направившись в коридор. Мое расписание не менялось все последние девять месяцев, но, естественно, никому до этого дела не было.

Боже, перестань себя жалеть!

Недостаток сна в течение долгого времени превращал меня в нытика. Горячий душ и неспешная поездка на работу могли это исправить.

Однако дойдя до ванной, я наткнулась на запертую дверь, за которой лилась вода.

– Я опоздаю на работу! – постучалась я.

– Всего две минуты! – отозвалась Рея.

Я бы поверила ей, если бы не услышала за дверью тихий голос Коллина и ее ответный смех.

Прикрыв глаза, я прислонилась лбом к двери. Я завидовала Рее с Коллином так же сильно, как ненавидела их. Казалось, они настолько влюблены друг в друга, что не могут держать руки при себе. Возможно, это просто похоть. Иногда, как сейчас, мне хотелось, чтобы они просто испарились в облаке собственной страсти. Вместе с Эмили и Форрестом, и их безусловной преданностью друг другу – отношения этой парочки не были страстными и яркими, зато отличались надежностью и нежностью.

Глубокая рана в моей душе начинала саднить при любом напоминании о том, что у меня было и чего я лишилась. И сейчас в коридоре крохотной переполненной квартирki она снова ныла.

Удивительно, какой одинокой можно быть, когда вокруг столько людей.

Полчаса спустя, приняв душ и одевшись, я подхватила сумочку с кофтой и задержалась у входной двери, чтобы обуться. Мои соседи по квартире один за другим лениво подтягивались на кухню.

– Не забудь об оплате, – крикнула Эмили в качестве напутствия. – Деньги нужны в понедельник.

Мое напряжение усилилось. Я чуть не огрызнулась в ответ, что мне было бы неизмеримо легче зарабатывать на оплату жилья, если бы я не боялась потерять работу, но какой в этом смысл? Я бежала сквозь шум и суету Гринвич-Виллиджа, любясь обрамленной деревьями улицей и красными кирпичными зданиями. Настроение слегка улучшилось... пока я не «помахла вслед» уходящему поезду.

Я поникла. Поднятый поездом ветер растрепал мне волосы и взметнул полы пальто. Его силы не хватило бы, чтобы столкнуть меня на рельсы, но я все равно торопливо попятилась. Грудь сильно сдавило.

Интересно, сколько я смогу выдерживать это давление, прежде чем оно сокрушит меня?

– Восемь пятнадцать, Шарлотта, – Максин, администратор ресторана, красноречиво постучала по своим кроваво-красным акриловым часам. Она так туго стянула в пучок свои волосы стального оттенка, что мне стало жаль ее бедную кожу головы.

– Прости, – ответила я ей, открыла шкафчик и достала фартук официантки. – Ты же знаешь, как бывает с поездами... – я прицепила бейджик к белой блузке, в спешке уколóв большой палец.

Максин скрестила руки поверх черной водолазки.

– Поезда идут по расписанию. Это ты не отличаешься пунктуальностью.

Я завязала волосы в хвост.

– Обещаю, этого больше не повторится.

– Хм, – хмыкнула Максин и вышла.

В дверь заглянул Энтони Вашингтон – художник-оформитель и мой закадычный друг. За весь день я не видела ничего дружелюбнее и теплее взгляда его добрых и темных, как и его кожа, глаз.

– Там есть работа, – сказал он. – Столик на четверых в твоей секции. Хочешь, я пока предложу им напитки?

– Ты прелесть, что бы я без тебя делала, – ответила я, сунув в карман блокнот для заказов. – Спасибо, что прикрыл меня. Дальше я сама.

Энтони был выше меня, точнее, возвышался надо мной, как и все остальные: я едва дотягивала до ста шестидесяти сантиметров. Он поправил мой бледно-желтый галстук, который мы были обязаны носить.

– Неудачный день для опозданий, милая. Слышал от Скелетора, сегодня грядут неприятности.

Я оцепенела от страха. Однако болтать времени не было: помещение наполнялось посетителями.

В ресторане «Аннабель» подавали завтрак и ланч, и чаще всего здесь было спокойно. Он даже не открывался до восьми утра. Однако сегодня посетители были скорее нетерпеливы, чем неторопливы, и я всю смену металась от столика к столику, с усилием растягивая губы в улыбке. Максин (для Энтони Скелетор) пристально следила за мной. Малейшая жалоба на холодный шпинат по-флорентийски или недостаточно быстро поданный кофе, и она бы сделала из меня отбивную.

Я безропотно выдерживала натиск клиентов, но была не в лучшей форме. Рассчитаются со мной только в конце смены, но я уже и сама прикинула, сколько получу. Мне светил траурный марш, и если я хотела каким-то чудом заработать на оплату квартиры, то в выходные мне предстояло в буквальном смысле надрываться на своей второй работе барменом.

Я пригладила волосы и глубоко вздохнула, решительно настроившись за ланчем приложить больше усилий, чем за завтраком... но тут пришло спасение. Помощники официантов

начали придвигать друг к другу столы в моей секции. В ресторан вошла группа элегантно одетых людей.

– Застолье! – возликовал Энтони, сжав мою руку. – Детка, да это же Нил Патрик Харрис³.

– Что?! Правда?..

Я пригляделась, и точно – в кругу друзей болтал и весело смеялся красивый актер.

Энтони тихонько пихнул меня и сверкнул ослепительной улыбкой.

– Твой рыцарь на белом коне.

– Лучше и не скажешь! – можно считать, месячная оплата квартиры у меня в кармане.

Я сделала глубокий успокаивающий вдох и приготовила блокнот. Не дай бог оплошать перед знаменитостью и его друзьями.

– Пошел в жопу этот придурок! – рявкнул кто-то позади меня, возле стойки регистрации.

Все присутствующие в ресторане обернулись посмотреть на молодого человека в надежной задом наперед бейсболке, со злостью печатавшего на мобильном. В «Аннабель» подобные всплески эмоций – явление необычное, и все же это Нью-Йорк. Спустя секунду посетители уже невозмутимо вернулись к своим разговорам.

Молодой человек всплеснул руками.

– Пусть этот говнюк сам идет за своей едой, – бросил он Максин и выскочил из ресторана, хлопнув дверью.

Буря улеглась, и я направилась к своему столику, но холодный и отрывистый голос Максина заставил меня застыть на месте.

– Шарлотта, будь добра, подойди ко мне.

Я поспешила к стойке.

– Да?

Максин подвинула ко мне пакет со стопкой коробок навынос.

– Ты должна доставить это клиенту.

У меня упало сердце.

– Но... у меня...

– Твои столики обслужит Энтони, – Максин дернула острым подбородком в его сторону. – Это важно.

Энтони замялся, и она нетерпеливо махнула ему рукой. Друг беспомощно взглянул на меня, беззвучно прошептал «прости» и пошел к *моему* столику, в *мою* секцию, обслужить *моего* Нила Патрика Харриса.

Максин поджала густо накрашенные губы.

– Это доставка мистеру Лейку. Понимаю, что он не звезда Бродвея, но ведь все наши клиенты одинаково важны, не так ли?

– Но застолье... в моей секции. Почему не отправить с доставкой Энтони? Или Клару?

Энтони позади нас что-то сказал, и за столиком НПХ раздался взрыв смеха. Максин красноречиво выгнула тонкую, как ниточка, бровь. Вздохнув, я кивнула. Энтони – душевный и обаятельный парень, который с легкостью рассмешит десяток людей, включая знаменитого актера. Я достойно выполняю работу, но, как говорят, слишком «зажата» и слегка «глуповата».

– Поторопись, – Максин дала мне бумагу с адресом. – Похоже, мистер Лейк потерял очередного помощника, но давай не потеряем его как клиента, м-м-м?

Я вяло кивнула. Мистер Лейк, кем бы он ни был, делал заказ не реже одного раза в неделю, и этот заказ забирал какой-нибудь угрюмый или кислотицкий помощник – они у него постоянно менялись. Судя по вспышке гнева молодого человека, Лейк только что потерял еще одного.

³ Нил Патрик Харрис – американский актер, комик, писатель, продюсер, певец и иллюзионист.

Я взяла сумку с едой, бросила тоскливый взгляд на празднество Нила Патрика Харриса и вышла. Попробуем найти в случившемся нечто хорошее. Возможно, этот мистер Лейк дает фантастические чаевые.

Ага, мечтай.

Из того, что я о нем слышала, он – импульсивный затворник. Даже если я получу от него двадцатипроцентные чаевые, это никак не сравнится с вознаграждением за обслуживание столика большой компании. Мне оставалось надеяться лишь на то, что я быстро доставлю заказ и вернусь в ресторан до окончания застолья.

Мистер Лейк жил в таунхаусе в западной части, на семьдесят восьмой улице. Пешком идти десять минут, и я пошла быстрым шагом. Если этот парень заказал яйца, то они уже остыли, и последнее, что мне было нужно, – чтобы Лейк позвонил Максин с жалобой, что я слишком медлительна.

Я прошла по Амстердам-авеню и свернула направо. Стоял потрясающий весенний день. Воздух был теплым, но не влажным, как летом, когда одежда липнет к телу, и все вокруг заливал яркий солнечный свет. Семьдесят восьмая улица была чистой, усаженной деревьями, заставленной типичными нью-йоркскими зданиями, подпирающими друг дружку «плечами». Жильем мистера Лейка был трехэтажный дом из красного кирпича, втиснутый между двумя зданиями из бурого песчаника. Я поднялась по трехступенчатой лестнице к входной двери и нажала на звонок.

Никакого ответа.

Я позвонила снова и собиралась сделать это в третий раз, когда из домофона раздался резкий мужской голос, сочащийся сарказмом:

– Что, вернулся за рекомендациями?

Сын мистера Лейка?

Я откашлялась и нажала на кнопку.

– Это не ваш помощник. Он бросил работу... Наверное.

– Уверен в этом. А ты, черт возьми, кто такая?

Я нахмурилась. Меня лишили обслуживания столика Нила Патрика Харриса для того, чтобы я имела дело с грубым сыном грубияна-затворника?

– Я из «Аннабель», – резко ответила я, но потом взяла себя в руки и уже более спокойно продолжила: – У меня ваш заказ, если он вам еще нужен.

Тишина. Когда я уже решила, что ответа не будет, дверь открылась.

Она впустила меня в чудесную прихожую с маленькой сверкающей хрустальной люстрой. Узкий коридор из нее вел в небольшую жилую зону: темную, загроможденную коробками и мебелью. Хотя первый этаж и служил хозяевам складом, на полу лежал дорогой паркет, а потолок обрамлял лепной бордюр.

Слева находилась лестница. Поднимаясь по ней, я миновала несколько дорогостоящих на вид картин. Второй этаж сразу выходил в элегантно меблированную гостиную. Тут преобладал бежевый цвет с вкраплениями голубого разных оттенков. На стенах висели изысканные картины, на шикарных журнальных столиках из дорогого красного дерева стояли пустые хрустальные вазы. На стеклянном кофейном столике у камина лежали остатки картофельных чипсов, обертки от красных лакричных конфет и банка из-под газированного напитка.

– Завтрак чемпионов, – пробормотала я.

Наверное, этот беспорядок оставил бывший помощник мистера Лейка, из-за работы которого я сейчас теряю деньги, которые должна отдать за аренду.

Справа от гостиной располагалась просторная кухня, состоящая из элегантных кварцевых столешниц и техники из нержавеющей стали. При этом раковину завалили грязными тарелками, а стойку – пустыми пищевыми коробками из ближайших и весьма недешевых ресторанов. Несмотря на незначительный беспорядок, было очевидно: здесь живет богатый

человек. О том же говорил и престижный район, от которого рукой подать до Центрального парка. Хотя большая часть огромного второго этажа была мне не видна, я поняла, что она пустует.

– Мистер Лейк? – позвала я.

Сначала тишина, а потом из последней третьей двери, где, скорее всего, находились спальни, вышел молодой мужчина.

– Оставь на столе, – произнес он уже знакомым мне жестким и холодным голосом.

Голосом самой горечи.

Я поставила пакет на кухонную стойку рядом с остальными коробками. Заказ был оплачен, но входили ли в него чаевые? В другое время я бы положила на судьбу или удачу, но сейчас у меня на счету был каждый доллар.

– Хорошо. Эм... я могу еще что-то сделать для вас?

– Да. Свалить отсюда к чертям собачьим.

От гнева и унижения к лицу прилила кровь. Мне непозволительно злиться, ведь, в конце концов, я работаю в сфере обслуживания, но такое отношение задело за живое. Мало того, меня шокировало то, что подобное прозвучало в настолько утонченном доме.

– Свинья, – буркнула я. Серdito протопав по лестнице вниз, я распахнула дверь и дала ей громко захлопнуться.

Я поспешила вернуться в ресторан. Если застолье не подошло к концу, то я еще успею подзаработать. Возможно, грубый засранец хотя бы включил в счет чаевые.

Я ошиблась и в том, и в другом.

Неприятности, о которых Энтони говорил чуть раньше, и правда нагрянули. У Аннабель Прэтт – владелицы ресторана, в чью честь он и был назван, – есть племянник. Он только-только переехал в Нью-Йорк в поисках актерской карьеры и нуждался в работе. Пока я бегала с заказом, этот Харрис Прэтт явился осваивать азы официантского дела. Максин оттащила меня в сторону, сказать, что каждый из шести официантов и официанток лишается одной своей смены, чтобы этот парень получил полную ставку.

Любой другой благодаря такому откровенному кумовству мгновенно стал бы в глазах всего персонала врагом номер один. Но Харрис был привлекательным, милым и лучился добродушным обаянием. Я с отвращением смотрела на то, как Клара, потерявшая из-за него прибыльную утреннюю смену, бесстыдно флиртовала с ним, показывая на компьютере систему заказов. Рыла себе могилу с улыбкой на лице.

Моя смена закончилась. С застолья мне ничего не досталось, и я ушла в раздевалку. Сдерживая слезы, я сдержала с блузки бейджик.

Максин вошла выплатить чаевые с кредитных карт.

– Этот Лейк дал хоть что-нибудь? За доставку? – спросила я.

Ее высоко вздернутая бровь почти коснулась линии роста волос.

– Он был ужасно груб со мной, – объяснила я свой вопрос.

– Немудрено, – Максин подсчитала мои деньги. – Он расходует помощников так же быстро, как другие – туалетную бумагу. И обращается с ними соответствующе.

– А что с ним такое? – мой день прошел хуже некуда. Какое мне дело до грубияна-затворника? Однако я ожидала увидеть пожилого мужчину, а Лейк оказался молодым, о чем я не преминула сказать Максин.

Администратор пожала плечами.

– Молодой, старый – какая разница? Он отличный клиент, – она впила в меня взглядом. – Надеюсь, ты не грубила в ответ?

Я мотнула головой. Лейк не мог слышать, как я выразилась о нем, для этого нужен слух как у собаки.

– Хорошо, – Максин вложила мне в ладонь сорок долларов. – Увидимся в понедельник.

Я вздохнула. Эта часть плюс тридцать пять долларов, полученных от клиентов наличными, – меньше половины нужной мне суммы. Меньше половины.

Энтони, все еще обслуживающий столики, вбежал в раздевалку и попытался сунуть мне в руку деньги.

– НПХ очень щедрый. И потом, это твой столик.

От доброты друга на глаза снова навернулись слезы, и я быстро отвернулась, скрывая их. Если Энтони увидит, что я плачу, ни за что не примет отказ.

– Нет, Энтони, ты их заработал, – я встала и закрыла шкафчик, второпях забыв снять фартук, и обняла друга, спрятав лицо на его плече. – Люблю тебя. Хороших тебе выходных.

Я выскочила за дверь, не дав ему возможности возразить. Уже на улице, по дороге к метро, я обнаружила в переднем кармане фартука двадцать долларов. Из глаз тут же полились слезы.

Глава 3

Шарлотта

В «Счастливой семерке», к счастью, в этот пятничный вечер был наплыв посетителей. Я работала под аккомпанемент оглушительной музыки, перекрывающей голоса и звон бокалов, теснясь за барной стойкой с двумя другими барменами – Сэмом и Эриком, с которыми делила пятничную и субботнюю смены. Они не были ни близнецами, ни братьями, но я всегда обращалась к ним как к единому целому, как в «Повелителе мух»: Эрикисэм. Я сказала им об этом забавном совпадении, когда приступила к работе три месяца назад. Они не поняли, о чем я.

Сейчас Эрикисэм суеились вокруг меня, свободно болтая с клиентами, в то время как я с трудом поддерживала непринужденный разговор. Бармен из меня так себе. Слишком «зажата» и слегка «глуповата». Но когда я пришла на собеседование, Дженсону, владельцу «Счастливой семерки», отчаянно не хватало рабочих рук. К тому же я с идеальной точностью запоминала комбинации коктейлей. Дженсон вечно советовал мне пропускать бокальчик, чтобы расслабиться.

– Господи, неужели нельзя немного пококетничать? Не умрешь же ты от этого? – приговаривал он.

– У тебя вид печальной, но умной милашки.

С этим я тоже не знала, что делать, но изо всех сил старалась выглядеть в темной пивнушке настоящей девчонкой-барменом. Увы, это было не дано мне от природы. Все мои попытки пофлиртовать оказывались безуспешны, поскольку я не могла уследить за своим языком. Я говорила то, что думаю, а подвыпившие в баре мужчины чего, а уж правды в лоб точно не ищут.

Иногда мне казалось, что Дженсон не увольняет меня из жалости. Эрикисэм говорили, что он этого не делает, потому что я похожа на милашку с чужинкой из какого-нибудь независимого кино.

– Парни клюют на такое. И еще как, – заявили они мне.

– Клюют на что? – не поняла я.

Эрик и/или Сэм пояснили.

В «Аннабель» я одевалась скромно и консервативно. В «Счастливой семерке» носила черные топы, подчеркивающие внушительную грудь, подводила глаза темным карандашом и распускала копну непослушных волос. И то, и другое для меня костюмы. Я не скромница и не тусовщица.

Сама не знаю, кто я.

Около десяти Мелани Паркер протолкнулась ко мне сквозь толпу гринвич-виллиджской богемы и богатых хипстеров, которые, по словам моей лучшей подруги, с бешеной скоростью облагораживали район. Она окинула презрительным взглядом молодого мужчину в очень дорогой кофте и кивнула мне в знак приветствия.

– Удачный вечерок, – заметила она. Ее очки заливал свет голубых неоновых огней за моей спиной. В белом кардигане и коричневой замшевой юбке она сама «облагораживала» наш бар, но это был ее «рабочий костюм». Мелани давала уроки игры на виолончели детям

манхэттенской элиты, когда не играла в оркестровой яме для какого-нибудь внебродвейского экспериментального мюзикла. Она смахнула упавшую на глаза челку. – Как у тебя дела с оплатой аренды?

Я налила ей «Олд-фэшн», ее постоянный заказ, и пожала плечами.

– Спроси об этом завтра. Мне нужно в лепешку расшибиться за эти два вечера, чтобы заработать на нее.

– Да провались пропадом эта твоя работа, – отозвалась Мелани, пронзая вишенку в коктейле крохотным пластиковым мечом. – Провались пропадом обе твои работы.

В эту минуту меня отвлек клиент, и очень вовремя. Я уже была готова ответить, что ей легко так говорить, когда она два года снимает квартиру с фиксированной арендной платой на пару с еще одной девушкой. Но я прекрасно понимала, к чему клонит Мелани. И точно – она протянула руку через барную стойку и коснулась моей ладони.

– Ты знаешь, чем должна заниматься, – смягчившимся тоном произнесла она. – Когда ты практиковалась в последний раз?

– В среду, – ответила я и не слукавила. – Студия в «Кауфмане» обошлась мне в тридцатку. В тридцатку, которой мне сейчас так не хватает.

С моей стороны было довольно отчаянно так потратиться, учитывая плачевное состояние моих финансов. Вдвойне бездумно из-за того, что это оказалось тратой времени. Большая часть моих репетиций были таковой. Я играла ноты, совершенно не чувствуя музыки.

– Не хочешь сходить на прослушивание?

Я вытерла стойку тряпкой.

– Не знаю.

– Шарли, прошел уже год.

– Не начинай, Мел. У меня та еще неделька была.

Подруга поджала губы, но в ее взгляде читалась нежность. Она начала что-то говорить, но я не услышала. Мое сердце ухнуло вниз, когда входная дверь открылась, впуская трех мужчин и сногсшибательную брюнетку. Один из мужчин ее обнимал.

Мелани замолчала и скривила лицо.

– Мне даже оборачиваться не нужно. Пришла эта сволочь, Кит?

Кивнув, я с трудом оторвала взгляд от компании, усаживающейся за угловым столиком.

– Я в порядке. В полном порядке.

– Да? У тебя руки дрожат.

Я опустила взгляд на совок для льда в одной руке и бокал в другой. Обе ладони дрожали. Я поставила на стойку совок с бокалом и вытерла руки о фартук.

– Какого черта он тут делает? В городе полно баров.

Больше я ничего не успела сказать, так как Кит встал из-за стола и направился к бару взять всем выпивки. Казалось, что высокому, светловолосому и стройному Киту Джонстону место на пляжном серфинге, а не в темном гринвичском баре. Я ругнулась на себя: надо было ускользнуть, пока он меня не заметил.

– Шарлотта? – Кит втиснулся бочком к барной стойке, не удостоив взглядом Мелани. – Не ожидал увидеть тебя в подобном месте, еще и за стойкой! Как ты? Давно не виделись. В последнюю нашу встречу... – он изобразил на лице жалостливое сочувствие. Думал, у него получилось натурально. – О, черт, вспомнил. Твой брат...

– Что будешь заказывать? – громко спросила я.

Кит проигнорировал мой вопрос и, наклонившись вперед, заговорил со мной так ласково и проникновенно, словно я была единственной женщиной в этом баре и в целом мире. Это был фирменный приемчик Кита Джонстона – один из многих, на которые я попала: влюбилась в него, доверилась ему и поверила в искренность его слов о любви ко мне.

– Послушай, Шарлотта. Я принимаю чужое горе слишком близко к сердцу. Ты это знаешь. Я воспринимаю все настолько сильно и глубоко, что твоя боль... была невыносимой для меня. Поэтому я сбежал. Трусливый поступок, и я не горжусь им, но мне пришлось это сделать. Твои глаза... Ты ведь знаешь, что меня привлекли твои глаза – твои огромные глаза олененка...

Мои «огромные глаза олененка» жгло от слез. Кит говорил о моем горе и моей боли так, будто я причинила их ему. Это надо же так все перевернуть.

– И когда ты вернулась с похорон, твои прекрасные глаза были настолько полны печали, что другим чувствам в них не осталось места. Знакомая мне Шарлотта исчезла, и ее место занял чужой мне человек. Человек, до которого я не мог дотянуться. Нужно было сказать тебе об этом тогда... но мне не хватило духу. Прости. Мне очень жаль.

Мелани смотрела на него, приоткрыв от изумления рот.

– Ты это серьезно? Думаешь, она купится на эту чушь?

Кит невозмутимо повернулся к ней, растянув губы в вежливой и неестественной улыбке.

– Привет, Мелани. Рад тебя видеть. Прости, но я сейчас говорю не с тобой.

Я слабо качнула подруге головой, и она сузила глаза.

– Пойду в дамскую комнату, – сказала Мелани и с нажимом добавила: – Скоро вернусь.

– Знаешь, она права, – заметила я после ее ухода. – Твои слова – полная чушь, но даже если бы не были ею, их следовало сказать мне год назад. Год назад, Кит. Когда я вернулась с похорон... из Монтаны и обнаружила, что мое место в квартете занято, а у моего парня уже другая подружка.

Он склонил голову набок с улыбкой и недоумением на лице.

– Тебя расстраивает потеря места в «Струнах весны»? Шарлотта, ты собиралась пропустить премьеру. Я обязан был что-то предпринять. Шоу все-таки должно продолжаться.

Я протерла тряпкой пятно на стойке.

– А что насчет нас, Кит? – спросила я тихо, ненавидя себя за то, как жалко прозвучали мои слова. Почему я принимала его извинения вместо того, чтобы плеснуть ему в лицо коктейлем? Потому что, даже спустя столько времени, желала услышать ответы, чтобы появилось так называемое чувство завершенности. Возможно, мне не было бы так больно, если бы у Кита была веская причина, которую бы я поняла. Причина лучше той, с которой я до сих пор жила: что наши отношения с ним были ложью.

На его губах снова появилась недоуменная улыбка.

– Нас? Не помню, чтобы мы с тобой были парой, Шарли. Мы были «вместе», – Кит нарисовал в воздухе кавычки, – несколько недель.

Два месяца, одну неделю и четыре дня. При желании я, наверное, и часы могла сосчитать.

– Я был занят квартетом, заканчивал учебу... – Кит пожал плечами, его улыбка стала шире. – Приятно снова встретиться с тобой. Но как бы мне ни хотелось поболтать о том, о сем, если я не вернусь к столу с выпивкой, друзья отправят за мной поисковую группу.

Он свесил руку с барной стойки, как в салуне, и подмигнул мне, словно ковбой их плохого вестерна. Меня вдруг охватил стыд. Вот из-за этого лицемерного засранца мое истерзанное, раненое сердце больше не слышит музыки?

– Извини, – я бросила тряпку. – У меня перерыв.

Я проскользнула мимо Эрикисэма, вышла в переулок возле бара, села на перевернутое ведро, используемое для перевозки льда, и разрыдалась. Не из-за Кита и страданий по его вине, а из-за дежавю тех жутких месяцев после смерти Криса. Встреча лицом к лицу с невероятным равнодушием Кита оживила воспоминания, и они накрыли меня с головой.

Я оплакивала то, чего у меня не было с Китом, хотя казалось, что было. Но больше всего я горевала о Крисе. Я рыдала по брату, и боль в моем сердце пульсировала в унисон с кровью в венах. Казалось, я могла бы проплакать всю ночь, и слезы лились бы без остановки и никогда не иссякли.

Десять минут спустя я остановила бьющий во мне гейзер и вернулась в бар. К счастью, Кит уже сидел за своим столиком, а Мелани – у барной стойки, и не одна, а с нашими друзьями из Джульярда: Майком Хаммондом, Фелицией Стрикленд и Региной Чен. Все они узнали Джонстона и окружили меня защитным барьером. От их доброты слезы чуть снова не навернулись мне на глаза.

– Ты опять не пришла, – произнесла за бокалом мартини Регина. – А вечеринка была эпичной даже по моим высоким стандартам. Однако она могла быть еще лучше, если бы ты появилась.

– Я пыталась вытащить ее, – начала Мелани, – но...

– Но я была занята, – поспешно сказала я. – Прости, Регина. Следующую постараюсь не пропустить.

– Ловлю тебя на слове. Подумываю устроить ее в конце мая. Тебе крышка, Конрой, если ты не придешь.

Вечеринки Регины Чен слыли у джюльярдцев легендарными. Все гости приносили свои инструменты и играли мелодии из популярных сериалов. Я присутствовала на нескольких до смерти Криса. После – ни разу.

Регина с моими друзьями из Джульярда думали, что я временно отдыхаю от прослушиваний. Только Мелани знала правду: что я больше не люблю играть на людях. Моя музыка теперь пуста, механична. Это просто ноты со страницы, и только.

Друзья продолжали болтать и смеяться, и не успела я оглянуться, как смена подошла к концу.

Я завершила ее с девянато долларами чаевых. Неплохо, но недостаточно хорошо.

Неплохо, но недостаточно хорошо.

Удивительно и печально, насколько точно эти слова описывали мою жизнь в эти дни.

Глава 4

Ной

Я резко сел в постели, пробужденный от одного и того же повторяющегося кошмара. Этот сон был столь же убийственно мучителен, сколько и отчаянно великолепен. Я хватал ртом воздух, утопая в несуществующей пучине, пытаюсь удержать в сознании образы, раскрашивающие мою тьму яркими красками. Белый снег и голубое небо, золотые переливы заката и изумрудная вода. В этом сне я всегда снова зряч.

Иногда это стоит испытанного ужаса.

Иногда я думаю, что лучше бы больше не проснуться.

Интересно, сколько сейчас времени? Может, утро, может, три часа дня. После несчастного случая мой режим совсем сбился. Да и зачем он теперь? Рассвет или сумерки – для меня они все одно черное ничто.

Я скинул влажные от пота простыни. Они провоняли, как и я. Мне нужен душ, а Люсьену нужно, черт возьми, поскорее найти мне другого помощника. Прошло уже три дня, как цыпочка из ресторана принесла мне заказ с новостью, что Тревор, никчемный придурок, бросил работу. Скатертью дорожка! Он был медлительным и тупым. Я сильно удивлюсь, если он смылся, не стащив ничего из моего дома.

Хотя я об этом не узнаю.

Я лег на подушки, тяжело вздохнул и прислушался. На улице тихо. Ни голосов, ни проезжающих машин. Наверное, сейчас три ночи. Проверю по своим незаменимым наручным часам, которые мне подарили в реабилитационном центре. Они специально разработаны для таких слепых кретинов, как я, и при нажатии на кнопку говорят время.

– Время три часа двадцать две минуты, вторник, тридцать первое марта.

Почти угадал. Я снова нажал на кнопку и еще раз, нарушая тишину механическим голосом. Не выношу тишины. Если замереть, не двигаться и не дышать, то можно представить, что я лежу в гробу глубоко под землей, где меня никогда не достанут солнечные лучи. Как в той старой штольне в Колорадо, в которую я однажды спустился. Помню, мне тогда подумалось, что непроглядной тьмы не существует. Что везде есть свет, даже в самую темную ночь. Всегда есть оттенки и тени, и никогда – сплошное ничто.

Ха! Жизнь, та еще стерва, показала мне, как я не прав.

Как бы то ни было, лежать неподвижно – плохая идея. Такое ощущение, будто меня заживо похоронили и разум тоже медленно погружается во мрак. Бесплотный, невесомый и безгранично одинокий.

Я снова тыкнул на кнопку. И еще, и еще, но и этого было мало.

– Система, включиться, – велел я стереосистеме, активирующейся голосом. Ее установил здесь Люсьен три месяца назад, когда я только покинул реабилитационный центр. – Играть Rage Against the Machine.

Заиграла песня «Killing in the Name Of», и я прибавлял громкость, пока басы не стали отдаваться внутри меня вторым сердцебиением. Но это всего на минуту. Если сильно шуметь, соседи вызовут полицию. Те будут звонить в мою дверь, и мне придется тащиться вниз. У

такого несуразного и неуклюжего олуха, как я, это займет целую вечность. После этого мне придется открыть свою дверь незнакомым людям, которые представятся полицейскими. Откуда мне, черт подери, знать, что они не врут?

Убавив громкость до допустимого уровня, я довольствовался яростными криками вокалиста. Мне тоже хотелось кричать, но, боюсь, стоит начать, и я уже никогда не остановлюсь.

Я стиснул зубы и до боли зажмурился. Осторожнее. Если переусердствую, то пробужу Монстра, а это, мать его, последнее, что мне сейчас нужно. Мне просто необходимо почувствовать, что глаза закрыты.

Тогда хотя бы тьму можно объяснить.

Запах собственного пота бил в нос, и терпеть это больше не было сил. Еще один мой чертов пункт. Все органы чувств обострились и работали на пределе, компенсируя потерянное зрение. И я прекрасно слышал, как назвала меня девчонка из ресторана. Знаю, она думает, что сказала это слишком тихо, но я услышал. Услышал и запомнил. Не считая ворчания Люсьена, за последние три дня только ее голос и достиг моих ушей. Он у нее приятный, красивый. Намного лучше гнусавого баса ноющего Тревора.

Я сказал стереосистеме заткнуться, нашел ногами край постели, а левой рукой – прикроватную тумбочку. Пальцы задели маленький пластмассовый пузырек – сознание знало, что он оранжевый с белой крышкой, – и я услышал, как он перевернулся и скатился с тумбочки. Пузырек упал рядом с моей ногой и куда-то укатился.

– Да твою ж налево, – пробормотал я. В сердце кольнуло что-то очень близкое к панике. Мне нельзя терять это лекарство. Только оно помогало усыпить Монстра.

Я встал на колени между постелью и тумбочкой и зашарил ладонью по паркету в поисках пузырька. Тот обнаружился возле кроватной ножки. Я схватил его, крепко сжал и осторожно поставил на тумбочку рядом с совершенно бесполезной маленькой лампой, чтобы знать, где потом найти.

Затем отпустил край тумбочки и встал в полнейшей темноте.

Это жилье не было моим домом. До несчастного случая моим пристанищем была вся планета: квартиры и апартаменты, особняки и гостиничные номера... Я останавливался в шикарных курортных отелях, спал на диванах друзей, в деревенских хижинах и под открытым небом. На всех континентах.

Это жилье было родительским «местечком в городе», и до несчастного случая я бывал здесь всего несколько раз. Мама постоянно переделывала тут все, поэтому я понятия не имею, как квартира выглядит сейчас, хотя проторчал в ней безвылазно целых три месяца. Для меня она по-прежнему была вроде чужеродного ландшафта, к которому я до сих пор не мог составить карту.

Однако путь от кровати до ванной для меня привычен, поскольку это мой самый частый маршрут. Шесть шагов до двери ванной, и прохладный паркет под босыми ногами сменяется холодной керамической плиткой. Четыре шага вправо до двойной раковины, еще три шага от нее, и мои жалкие шарящие в воздухе руки касаются стеклянной двери душевой кабины. Эта ванная гигантских размеров. Она как пещера, в которой эхом отдается любой звук.

Я нащупал круглую ручку смесителя и начал настраивать воду дурацким методом проб и ошибок. Обычно мне удавалось добиться нужной температуры двухсекундным поворотом ручки против часовой стрелки, но иногда я перекручивал ее или недокручивал, и тогда из душа лился либо кипяток, либо ледяная вода. Я не уставал поражаться тому, до чего сложно теперь даются наипростейшие вещи.

Я снял тренировочные штаны, боксеры и пропахшую потом футболку. Залез под душ, ничего не уронив, и даже не спутал мыло с кондиционером для волос, после чего осторожно, чертовски осторожно вышел из душевой и обшарил рукой вешалку для полотенец.

Пусто.

Ну конечно. Оба полотенца валяются где-то на полу – или в этой огромной ванной, или в спальне. И так как Тревор уволился, заниматься стиркой некому, хотя и он делал это нехотя, а я не жаждал, чтобы этот придурок стирал мою одежду.

Я мерз, стоя мокрым на коврик. Что теперь?

Что. Черт подери. Теперь?

Зачем я мылся? Зачем я вообще что-то делаю? Меня переполняли противоречивые чувства: наплевать на все или постараться. *Попытаться жить дальше, двигаться вперед...* Этими треклятыми тезисами психотерапевты давили на психику все тяжелые и мучительные месяцы, проведенные в реабилитационном центре. Порой мне искренне хотелось освободиться от ярости смиренной рубашкой, повязавшей меня, и во всем разобраться. Попытаться приспособиться. Действительно приложить усилия, чтобы адаптироваться.

О, как бы родители тогда гордились мной!

Чаще всего, стоя вот так после душа без чистого полотенца, весь в мурашках, я хотел лишь одного: захватить кулаком по стеклянной двери. Хотел услышать, как она разобьется, почувствовать острую физическую боль и текущую из порезов горячую кровь. Я сделал несколько глубоких вдохов, перебарывая это желание, а потом на ощупь поплелся в спальню.

Мой комод находился в одной из гардеробных, напротив кровати. Я вошел туда и нашарил ручку третьего ящика. Тот почти опустел – остались только две чистые футболки. Одной я вытерся, другую натянул через голову. Горло царапнуло ярлычок.

Тут же вспыхнуло бешеное раздражение.

Я зло выдернул руки из рукавов и рывком перевернул футболку, чтобы ее лицевая сторона была, черт возьми, спереди. Не хотелось выглядеть смехотворным и жалким слепцом-идиотом, не способным правильно надеть гребаную футболку, для легиона из «ни одной живой души», населяющего сейчас мой мир.

Я достал из второго ящика комода чистые трусы и последнюю пару тренировочных штанов, после чего ткнул кнопку на часах.

– Время четыре часа десять минут, вторник, тридцать первое марта.

Боже, у меня ушел почти час на то, на что раньше требовалось пятнадцать минут. Но я все же сделал это. Я молодец? Заслуживаю пятерку за усилия?

И тут затылок заломило от боли – пока еще слабой и еле теплящейся боли, которая, дай ей волю, обратится адским пламенем.

Пробуждался Монстр.

Я на ощупь обошел кровать и схватил с тумбочки пузырек таблеток. Тащиться за водой в ванную не рискнул. Времени не было. Надавил и повернул крышку пузырька, закинул в рот одну капсулу и проглотил, не запивая.

Плевать на грязные простыни. Я торопливо залез в постель, устроился на спине и замер, умоляя Монстра вернуться обратно в спячку. У меня вырвался облегченный вздох: похоже, я успел вовремя. Боль не усилилась, а наоборот, начала утихать.

И все же я не двигался. Лежал, заключенный в темницу своего мрака, слушая, как просыпается Нью-Йорк за стенами дома. Город лежал прямо за дверью и в то же время запредельно далеко. Другой мир. Мир красок и света, желтых такси и красных кирпичей. Меня же окружала крошечная тьма, и о цветах я мог только вспоминать, но не видеть. Никогда. Я подавил душный меня крик, а потом задремал, погружаясь в забвение.

Я молил о том, чтобы мне вновь не приснился тот жуткий кошмар.

И вопреки всему надеялся, что это произойдет.

Глава 5

Шарлотта

В понедельник наступил апрель, и утро казалось мне очень подходящим для Дня дураков. Со мной словно кто-то играл злую шутку. Максин была на больничном, и Аннабель, пришедшая посмотреть, как ее племянник отрабатывает свою первую смену, поставила меня за стойкой регистрации. Чаевые я получу только за заказы навынос – перспектива так себе, а мне по-прежнему не хватало на арендную плату.

Смену я отрабатывала с тяжестью на сердце, зная, что дома мне придется просить Эмили доплатить за меня, а потом корпеть три смены (не четыре, ведь одной я лишилась из-за Харриса), чтобы вернуть ей долг.

Около полудня джентльмен с добрым лицом и аккуратно уложенными седыми волосами, в дорогом темно-синем костюме при светло-желтом аскотском галстуке⁴, подошел к стойке администратора и обратился ко мне.

– Я пришел забрать заказ для мистера Лейка, – произнес он с легким французским акцентом.

Я узнала его голос, он делал заказ по телефону.

– Ох, – я поставила на стойку полиэтиленовый пакет с коробками. – Это для... мистера Лейка?

– Да, – тепло улыбнулся мужчина. – Вы, наверное, новенькая, раз не знали, что это для него. Он тут постоянный клиент.

– Знаю, я не новенькая. Просто я никогда не принимала заказы для него, и обычно за ними приходили мужчины помоложе, – мои щеки вспыхнули. – Ой, простите ради бога. Я хотела сказать, что вы... не похожи на его помощников.

Улыбка мужчины стала шире.

– Я не его помощник, но сегодня ему требуется моя забота, – он многозначительно вытащил бумажник.

– Ах да, – я пробила заказ. – Тридцать два доллара двадцать девять центов, пожалуйста.

Пожилой мужчина – на вид ему было где-то под семьдесят – протянул мне кредитную карту, и я бросила на нее взгляд, прежде чем провести через терминал: платиновая карта Америкэн Экспресс. Имя: Люсьен Карон.

– По правде говоря, последний заказ для него на прошлой неделе доставляла я. После того как его помощник бросил работу. Мистер Лейк довольно молод.

– Правда? – мужчина по имени Люсьен удивленно поднял брови. – Вы видели Ноя?

Значит, у грубияна есть имя: Ной. Красивое имя, кстати.

– Я бы так не сказала. Слышала его голос. Он впустил меня, чтобы я занесла еду, и потребовал, чтобы я немедленно покинула дом.

Люсьен сжал губы.

⁴ Галстук Аскот – модный аксессуар, впервые появившийся в Восточной Европе в XVII веке, – похожая на шарф ткань, которую мужчины обматывали вокруг шеи для тепла и чтобы выглядеть более стильно.

– Боюсь, у Ноя совершенно отсутствуют хорошие манеры. Примите мои извинения за него, если он вам нагрубил. Уверен, что он был с вами неприветлив.

Я пожала плечами.

– Ничего страшного. Сначала я, конечно, слегка удивилась. Но ведь у всех нас бывают плохие дни? – как у меня сегодня. И всю предстоящую неделю или месяц...

– Шарлотта? – незаметно подошла ко мне Аннабель, пухленькая женщина в облаке синего шелка и парфюма. Натянута улыбнувшись Люсьену, она вытянула меня из-за стойки. – Это ты дала тому бездомному суп? – кивнула она шапкой волос, уложенных лаком, в сторону окна, возле которого мужчина в грязном пальто ел суп из маленького контейнера навынос. В его всклокоченной бороде застряло кукурузное зернышко.

– Да, но я заплатила за суп, как и всегда, – я признавала, что Люсьен слышит наш разговор.

– Как всегда?.. – вспыхнула Аннабель и послала Люсьену еще более натянутую, совершенно неестественную улыбку. – Закончи, пожалуйста, выдачу заказа этому джентльмену и зайди ко мне в кабинет.

– Конечно, – слабо кивнула я.

Аннабель отошла, а я вернулась за стойку, чувствуя, как от смущения горит шея.

– Не делай добра, не получишь зла? – мягко улыбнулся Люсьен. Он повернулся к окну, где бездомный доедал суп. – Порой доброе слово или жест скрашивают плохой день, *oui*⁵?

– Наверное, – выдавила я улыбку. – Ваш чек.

Я передала ему чек, на котором он поставил красивую подпись с петлей и двадцатипроцентные чаевые.

– Как вас зовут, мадемуазель?

– Шарлотта Конрой.

– А меня Люсьен Карон, – он элегантно поклонился. – Вы позволите поинтересоваться, во сколько сегодня заканчивается ваша смена?

Я удивленно моргнула. Непристойное предложение? Как-то не верится. Он слишком воспитанный, слишком утонченный для того, чтобы кадрить девушек на сорок лет моложе себя. Непонятно, с чего бы ему задавать мне подобный вопрос.

– Моя смена заканчивается в два, – я бросила взгляд в сторону кабинета, где меня ждала Аннабель, – если меня не уволят раньше.

Люсьен улыбнулся и взял пакет с едой.

– Мне хотелось бы вернуться сюда в это время и выпить чашечку кофе. Вы не против?

– Эм... конечно, нет.

Он учтиво кивнул.

– Тогда скоро увидимся, мисс Конрой.

– До встречи, – на что я только что согласилась?

Аннабель прочитала мне длинную лекцию на тему собственности ресторана и того, кто должен и не должен (осторожно, спойлер: бездомные люди) находиться на ее территории, но не уволила меня, хотя была к этому близка. Мысленно она уже видела календарь с именем своего племянника, написанным рядом со всеми моими сменами.

⁵ да? (фр.)

Мало того что меня отчитали за помощь бездомному, так еще и в ресторане в этот день был непочатый край работы. Если бы я была официанткой, а не стояла за стойкой рецепции, то запросто заработала бы полторы сотни долларов. С незначительными чаевыми за еду навывнос у меня вышло меньше половины этой суммы. Я ждала двух часов, чтобы поскорее уйти домой, когда в опустевший ресторан вошел Люсьен Карон.

Ах да. Мое свидание!

Однако Люсьен мне нравился, и когда он вежливо мне улыбнулся, я сделала то же в ответ. В ожидании меня он занял столик у окна.

– Это к тебе пожаловал Винсент Прайс? – тихо спросил Энтони, стоило мне направиться к Люсьену.

– Мы сегодня с ним познакомились, – так же тихо ответила я. – Работает на Лейка и хочет со мной о чем-то поговорить. На вид приятный.

– Серийные убийцы тоже, – ухмыльнулся Энтони. – Прикрытие у них такое. Покашляй трижды, если тебя надо будет спасать.

Я со смехом пихнула его локтем в бок. В Люсьене Кароне не было ничего отталкивающего и пугающего, хотя он и правда немного походил на Винсента Прайса и обладал шармом ушедшей эпохи. А еще он напомнил мне моего любимого дедушку, умершего, когда мне было десять. Дедуля Гарольд всегда «вытаскивал» из моего уха четвертаки. Казалось, вырони Люсьен пятьдесят долларов, он этого даже не заметит.

Я присела к нему за столик у окна, и Энтони принял наш заказ.

– У меня скидка сотрудника, – сказала я Люсьену.

Мужчина махнул рукой. На его мизинце в свете солнца блеснуло кольцо с сапфиром размером в десятицентовую монету.

– Учитывая политику этого ресторана в отношении подобных вещей, благоразумнее будет, если я оплачу заказ, вы так не думаете?

Я поерзала.

– Вероятно, вы правы.

– К тому же вряд ли будет справедливо забрать у этого заведения больше, чем я планирую.

– Вы это о чем?

– Я попросил вас встретиться со мной, мисс Конрой, чтобы поговорить о некоторых... возможностях.

Люсьен умолк, так как Энтони принес наш заказ: черный кофе и капучино. После его ухода мужчина откинулся на спинку стула.

– Я начал с конца, когда должен был начать сначала, – произнес он, помешивая свой напиток маленькой ложкой. – Мне хотелось бы побольше узнать о вас и поведать вам о своей ситуации. Давайте с этого и начнем, *ça va*⁶?

– Эм... ладно.

– Итак, – Люсьен пригубил капучино. – Расскажите мне о себе, Шарлотта. Что привело вас в Нью-Йорк? Или, может, это ваш родной город?

– О нет. Я приехала из Монтаны. Учиться.

– В Нью-Йоркском университете?

– В Джульярде.

Синие глаза Люсьена загорелись радостью.

– Правда? Вы танцовщица? Актриса?

– Музыкант.

– Конечно. И на чем вы играете?

⁶ хорошо? (фр.)

– На скрипке. Во всяком случае, в теории. Я окончила Джульярд в прошлом июне, но... С тех пор почти не играю.

– Понятно. Первые шаги к величию творческим людям почти всегда даются тяжело.

– Угу, – отозвалась я. Лучшего ответа у меня на это не было.

– Однако вы окончили Джульярд. А значит, очень талантливы. Что вам больше всего нравится в скрипке?

Я тоже откинулась на спинку стула.

– Давно не задумывалась об этом, – я хотела перейти на безопасную почву, рассказать о том, что играю с самого детства, но вместо этого сказала: – Мне нравится, что если играть хорошо, то скрипка звучит так, будто поет душа музыканта.

Откуда это, черт возьми, взялось?

«Но ведь это правда», – осознала я. По крайней мере, для меня, и эту правду мне грозит позабыть.

– В последнее время мне не удастся так играть.

– Вы еще не нашли себя, – мягко заметил Люсьен.

Я снова поерзала. Нет, меня называли вундеркиндом, следующей Хилари Хан⁷...

– Что-то вроде того.

– Вы найдете себя, мисс Конрой. Я это чувствую. Вы кажетесь мне девушкой с большим сердцем. Как считаете, я прав?

– Мне не раз говорили об этом. По большей части члены семьи. Но если быть предельно честной, то... я не знаю, мистер Карон.

– Пожалуйста, зовите меня Люсьен.

– Хорошо, Люсьен. После Джульярда я изо всех сил пытаюсь не пойти ко дну. И уже не совсем понимаю, кто я есть.

Он улыбнулся, словно мой ответ порадовал его.

– Я нахожу, что честность в наше время – большая редкость и что она обесценена.

– Да уж. Я пытаюсь сдерживаться, но частенько говорю то, что думаю. Импульсивная и рублю правду-матку, – рассмеялась я и прокашлялась. – В общем, как-то так...

Сделав глоток кофе, Люсьен обвел взглядом ресторан.

– Приятное заведение. В час пик тут, наверное, не протолкнуться, *oui*?

– Бывает и такое.

– Чтобы выжить в этом городе, требуется стабильный доход на работе.

– Или на двух. Чтобы свести концы с концами, в будни я работаю здесь, а на выходных – барменом.

– Неужели? – Люсьен выглядел довольным.

Я пожала плечами.

– Аренда здесь недешевая, как и учеба в Джульярде. Я буду выплачивать студенческие займы до...

– До моих лет.

Я засмеялась, и не только из вежливости.

– Скорее всего.

– Вы трудолюбивы, – сказал Люсьен с задумчивым выражением лица.

– Наверное, но без этого качества в Нью-Йорке не удержишься.

Он качнул в знак согласия седовласой головой.

– Очень хорошо, мисс Конрой. Это очень хорошо.

– Что именно? – уточнила я. – Послушайте, мистер Карон, зачем вы всем этим интересуетесь? Вы выглядите настоящим джентльменом, но ваши вопросы... Возможно, я просто

⁷ Хилари Хан – американская скрипачка, трехкратная обладательница «Грэмми».

наивная девчонка из Монтаны, но я действительно в замешательстве. Может, вы лидер какого-нибудь культа Судного дня, который хочет заманить меня в подземелье во Франции?

Люсьен от души рассмеялся.

– О, *ma cher*⁸, вы очаровательная девушка, балующая старика ответами на все эти вопросы. Позвольте уверить вас, я задаю их с определенной целью. Доброжелательной и, скорее всего, прибыльной для вас.

О боже! Он что, сутенер?

Дикость какая. В Люсьене не было ничего угрожающего. Я живу в Нью-Йорке всего пять лет и уже ожидаю от человека подвоха. Но даже если и так, то все знают: береженого бог бережет.

Выжидая, я потягивала кофе.

– Я распорядитель финансов Грейсона и Виктории Лейк, касающихся их нью-йоркских денежных вложений, имущества, активов, и... полгода назад я взял на себя заботу о личных потребностях их двадцатичетырехлетнего сына, Ноя.

– А что с ним случилось?

– Боюсь, ничего хорошего, – Люсьен посмотрел мне в глаза. – Вы не слышали о Ное Лейке?

– А должна была?

– Полагаю, что нет, если только вы не следите за новостями так называемых «экстремальных видов спорта».

– Вроде сноубординга или мотогонок по грязи?

– Да, и дельтапланеризма, альпинизма, прыжков с высоты... – Люсьен решительно поставил чашку с капучино на стол. – Ной Лейк активно участвовал во всевозможных видах экстремального спорта и писал статьи для соответствующих журналов. Он не довольствовался простым описанием всех рисков и опасностей, он во всем участвовал сам, – мужчина с нежностью улыбнулся, вспоминая об этом. – Лейк с детства был сорвиголовой. От его выходок у бедной матери волосы на голове вставали дыбом. Никто не удивился, когда он сделал на этом карьеру. Вольный дух, – улыбка сошла с губ Люсьена. – До несчастного случая.

В горле встал ком. Живое воображение тут же нарисовало мне разнообразные ужасные травмы, которые и вызвали в услышанном мной голосе такую горечь.

– Ной получил тяжелые повреждения?

Люсьен пристально посмотрел мне в глаза.

– Да, мисс Конрой, он получил серьезные травмы.

– Как это произошло?

Лицо пожилого джентльмена исказилось, взгляд потяжелел.

– Он уехал собирать материал для статьи, которую писал для... «Планеты X». Его отправили нырять со скалы в Мексике. Такое ныряние крайне опасно, но Ной был опытным и... бесстрашным. При последнем прыжке он неверно оценил глубину воды и ударился затылком о камень. Он двенадцать дней провел в коме.

Я невольно ахнула.

– О нет. Он... парализован? – это объяснило бы его затворничество. Однако в двухэтажном доме нет пандуса.

– Ной не парализован. Он каким-то чудом избежал повреждения позвоночника.

– Какое облегчение.

– Но он ослеп.

– Ослеп? – выпрямилась я на стуле.

⁸ моя дорогая (*фр.*)

Это звучало просто и безболезненно. Даже почти не трагично по сравнению с теми телесными повреждениями, которые Ной мог получить. А все могло быть гораздо хуже. Как с Крисом...

Я отогнала мысли о брате и подумала о Ное Лейке. Попыталась представить, каково это – потерять зрение. Когда густая черная завеса ничего не пропускает: ни краски мира, ни свет, ни пейзажи, ни лица любимых людей.

– Какой ужас.

– Прежде чем мы перейдем к не очень приятным подробностям, я объясню наконец цель нашего разговора-собеседования, – Люсьен подался вперед, ко мне. – Я вижу в вас трудолюбивую девушку, не боящуюся высказывать свою точку зрения, с душой и сердцем творческой личности. Девушку с толстой кожей, не желающую сдаваться. Должно быть, два эти качества вашей натуры происходят из закаленного характера профессии музыканта, *oui*?

Он говорил по-доброму и очень тактично. Я не могла позволить ему и дальше ошибаться в отношении меня. Он видел меня не той, кем я являюсь. Я поворачивала чашку, снова и снова, глядя на то, как в ней переливается черная жидкость.

– Я больше не играю, мистер Карон. Уже как год не хожу на прослушивания. Кое-что случилось и... – я подняла на него взгляд. – Я говорю вам это только потому, что не хочу, чтобы вы неправильно меня поняли.

– Подобная честность достойна уважения, – рассудительно ответил он. – И тем не менее я возлагаю на вас большие надежды.

– Большие надежды на что?

Люсьен сложил руки на столе.

– Мне хотелось бы, чтобы вы стали помощницей Ноя. Не просто помощницей, бегающей по делам и ведущей хозяйство, а личной помощницей в полном смысле этого выражения.

Я откинулась на спинку, переваривая услышанное.

– Мистер Карон, у меня нет надлежащей квалификации и подготовки, чтобы помогать слепому человеку.

– А Ной и не потерпит рядом подобного человека. Для наших намерений и цели отсутствие у вас квалификации в этом деле является благом.

– Неквалифицированность специалиста для вас плюс? – поразила я.

Люсьен рассмеялся, тихо и интеллигентно.

– За последние девять недель я собеседовал и нанял шесть профессиональных помощников. Все они вскоре либо сами бросили эту работу, либо их уволил Ной. Ни одна из предыдущих встреч ничуть не походила на нашу с вами.

– Может, это потому, что я понятия не имела, что нахожусь на собеседовании? – хмыкнула я. – Почему я?

– Потому что, мисс Конрой, мне требуется, точнее, Ною требуется человек стойкий и сострадательный, который будет способен разглядеть за грубым фасадом страдающего молодого мужчину. Человека, который будет относиться к Ною по-доброму, несмотря на то, что тот, возможно, никогда не ответит и толикой взаимной любезности.

– А он не ответит? Почему? Что с ним не так? Ну, помимо слепоты.

– Несчастный случай лишил Ноя не только зрения. Он лишил его наслаждения и счастья, которые приносило ему любимое дело. Теперь Ноем владеют лишь горечь и злость, – Люсьен порывисто наклонился через стол. – Ной страдает, мисс Конрой, и, боюсь, если он так и не примирится со случившимся, страдания поглотят его, и жизнерадостный молодой человек, которого я когда-то знал, исчезнет навсегда.

– Я... не знаю, что сказать.

– Не говорите пока ничего, – Люсьен вытащил из стильной серебристой визитницы карточку и толкнул по столешнице ко мне. – Я бы попросил вас, чтобы вечером вы вышли в интер-

нет, нашли информацию о Ное, а потом позвонили мне. Сегодня я готов в любое время ночи ответить на появившиеся у вас вопросы.

Наступило недолгое молчание. Я вертела в пальцах визитку, а Люсьен наблюдал за мной. В его синих глазах светилась надежда.

– Могу я узнать сейчас, как оплачивается эта работа?

– Разумеется. Прощу прощения, что не упомянул о самом жизненно необходимом, как вы, американцы, любите говорить, – Люсьен коротко рассмеялся. – Зарплата составляет сорок тысяч долларов в год, плюс деньги на еду и оплата всех медицинских услуг.

Я кивнула, стараясь сохранять на лице невозмутимое выражение.

– Звучит неплохо. Замечательно. Классно.

Боже мой! Наш разговор внезапно перестал казаться мне странным. Да на меня свалился дар с небес! Я еле сдерживалась, чтобы от радости не вскочить и не обнять Люсьена. Моего благодетеля, явившегося спасти меня от шумных соседей по квартире и мизерных чаевых.

– Должен предупредить вас, мисс Конрой, – мрачно сказал Люсьен, – будет нелегко читать про случившееся с Ноем. Подробности жутковаты. Но мне нужно, чтобы вы это сделали, поскольку в таком случае, когда он будет с вами груб и жесток, вы будете понимать: источник его боли – не вы.

– Хорошо, – медленно произнесла я. – А что потом?

– Если вы согласитесь стать его помощницей, то встретитесь с Ноем, желательно завтра. Новых работников он должен одобрить лично. По большому счету это просто формальность, но ведь он и правда имеет право на свободу выбора в данном вопросе, даже если и использует его, чтобы запугать и помучить новичка.

Запугать и помучить? Звучало малопривлекательно, однако, признаться честно, в моей голове сейчас плясало число в сорок тысяч в кольце из долларовых знаков. А бесплатная еда? А оплата медицинских услуг? Это же вишенка на торте для такой девчонки, как я. Прошлой зимой мне пришлось несколько часов торчать с температурой в переполненной народом больнице.

– Простите, но мне пора идти, – Люсьен поднялся и подал мне руку. – И на прощанье скажу: я нанимаю личного помощника, мисс Конрой, но это лишь должность на бумаге. На самом деле я очень надеюсь на то, что если вы возьметесь за эту работу, то станете для Ноя чем-то большим. Тем, в ком он нуждается гораздо больше, чем в служанке или поварихе.

– А в ком он нуждается?

Люсьен печально улыбнулся.

– В том, кто останется.

Глава 6

Шарлотта

В поезде по дороге домой у меня руки чесались взять мобильный и забить в поиске имя «Ной Лейк». Но Люсьен заслуживал того, чтобы я посвятила этому все свое безраздельное внимание. Еще меня немного напрягало то, что я могу узнать. «Подробности жутковаты», – сказал Люсьен. Про такие вещи нелегко читать.

Домой я попала ближе к четырем часам дня. Эмили еще не вернулась с работы няни, но уже скоро придет и потребует денег, которых у меня нет. Форрест и Коллин, конечно же, были дома и сидели в гостиной, ведь не дай бог ее займу я! За все свое проживание тут я и часа не провела в спокойствии и одиночестве.

Я проскочила мимо них, пробормотав приветствие, и заперлась в своей комнате. Включила ноутбук и набила в браузере: «Ной Лейк».

Выскочило несколько десятков кричащих заголовков.

«Спортсмен-экстремал в коме после ныряния со скалы в Акапулько».

«Журналист-фотограф «Планеты X» в критическом состоянии доставлен по воздуху в больницу «Наваль де Акапулько».

«Двадцатитрехлетнего журналиста и спортсмена-экстремала Ноя Лейка перевозят в медицинский центр при Калифорнийском университете».

Я пролистала еще несколько, а потом начала читать. Суть везде была одинаковой. В прошлом июле Ной нырял со 130-футовой высоты в Мексике, с утеса Ла Кuebaда. Всем известно, насколько опасно прыгать в этом месте, где глубина воды безопасна лишь на несколько секунд за раз.

Ной был опытным ныряльщиком со скал, но что-то пошло не так. Один из местных спортсменов предположил, что Лейк неправильно рассчитал время и прыгнул, когда стало слишком мелко, поэтому ударился об устилающие дно океана камни. Ной был доставлен в больницу, после чего перевезен в медицинский центр при Калифорнийском университете. И все это время он пребывал в коме. Судя по этим статьям, никто не ожидал, что Ной протянет в таком состоянии больше недели, не говоря уже о том, что он выживет после операции, при которой задняя часть его раздробленного черепа была заменена металлической пластиной.

Дальнейшие подробности я читала с ноющим сердцем.

Ной находился в коме двенадцать дней. Когда он пришел в себя, едва мог говорить и был совершенно слеп. Двумя неделями позже его состояние посчитали достаточно стабильным для проведения серии невероятно сложных операций на мышечных тканях спины и шеи. Камни пираньями вгрызлись в плоть Ноя, вырвав из нее целые куски. Всего ему понадобилось шесть операций, включая пересадку кожи, а потом он чуть снова не умер из-за инфицирования после трансплантации кожного покрова на ногу. И все это время Ной оставался слеп, хотя после операции на голове доктора надеялись на медленное возвращение зрения.

Этого так и не случилось.

Я читала все это, прижав руку к сердцу и чувствуя легкую тошноту. Подумать только, вот бедняга!

В самых свежих статьях говорилось о переводе Ноя в нью-йоркскую больницу «Ленокс Хилл» спустя месяц после последней операции, а потом в реабилитационный центр в Уайт-Плейнс. Там он прошел физиотерапию и психотерапию. Ему пришлось заново учиться ходить, четко говорить, держать ложку, сжимать руку в кулак. Однако все это он быстро усвоил: доктора были потрясены и невероятно впечатлены его твердостью духа. «И это учитывая то, – процитировали слова одного из терапевтов реабилитационного центра, – что он еще только привыкает к слепоте».

В последней статье упоминалось, что Ной закончил проходить реабилитацию примерно в январе этого года («Всего три месяца назад», – восхитилась я) и спрятался от глаз общественности.

Я откинулась на спинку стула, от прочитанного щемило грудь. Какой ужас! Сколько он вытерпел. Неудивительно, что он полон горечи, и я была бы такой.

Вернувшись в браузер, я напечатала в строке поиска: «Ной Лейк Планета Х». В качестве результата я получила много новых статей. Радостных и волнующих, написанных до несчастного случая самим Ноем.

«Планета Х», оказывается, был успешным журналом и продавался как в печатном, так и в электронном виде. Он был посвящен экстремальным видам спорта, существующим во всем мире, и особое внимание уделял географии, истории и местному населению. Нечто среднее между журналами «Национальная география» и «Спорт в иллюстрациях». Ной Лейк был самым популярным журналистом и фотографом «Планеты Х», а также талантливым спортсменом-экстремалом. Он лично пробовал себя в разных видах спорта, после чего делился своим опытом с читателями, поэтому последние получали информацию из первых рук. Сопровождали статьи Ноя его собственные захватывающие дух фотографии и профессиональные видео с невероятно рискованных мероприятий. Он попробовал себя во всем, начиная со скайдавинга и бейсджампинга и заканчивая виндсерфингом.

Все статьи, похоже, писались в разных уголках мира: во Франции или в Южной Африке, в Таиланде или на Гавайях... Ной не сидел на месте. Он был кочевником. Искателем приключений и любителем адреналина, которого с радостью принимала и богатая элита, и беднейшие жители деревенок. Он везде был своим, весь мир был его домом. Я поняла, почему Люсьен не стал сам рассказывать мне о Ное, а пожелал, чтобы я прочитала его историю в интернете. Все потому, что Лейк много чего пережил и сильно страдал, но здесь и сейчас, перед моими глазами, на красочных глянцевых фотографиях было запечатлено то, что он навсегда потерял.

Ной снимал густые тропические джунгли, пляжи с черным песком, белоснежно-пенистые речные пороги, багряные пески пустыни на закате. Я смотрела на снимок Ноя, сделанный в Непале, где он катался на лыжах в базовом лагере на Эвересте. Мир расстился перед ним во всем своем красочном великолепии: белый снег, искрящийся в оранжевом свете закатного солнца, тянущиеся в бесконечность горы, темнокожие лица улыбающихся шерпов⁹ и их разноцветные флаги. На мои глаза навернулись слезы.

– Черт тебя подери, Люсьен, – прошептала я.

Напоследок я кликнула в поиске на раздел «картинки», и мое сердце рухнуло куда-то в желудок – я впервые увидела Ноя Лейка.

– О... боже, – вырвалось у меня. – Вы шутите, что ли?

На большинстве снимков лицо Ноя скрывали либо спортивные маски, лыжные и для ныряния, либо солнцезащитные очки. Он был одет либо в защитную экипировку, либо красовался в мокрых плавках, подчеркивающих довольно привлекательное, атлетически сложенное тело. Но одна фотография...

⁹ Шерпы – народ, живущий в Восточном Непале, в районе горы Джомолунгма (Эверест).

«Планета X» сделала промофото Ноя, на котором тот словно сошел со страниц мужского журнала мод. Мое сердце затрепетало при одном лишь взгляде на него. Ной Лейк потрясающе хорош. Наверное, его можно было бы описать лучше, но мой мозг сейчас был не способен на это. Я просто не сводила глаз с Ноя.

На снимке он был в черной рубашке и такого же цвета пиджаке. Темно-каштановые, почти черные волосы были коротко подстрижены, но с поднятой спереди длинной челкой. Лицо точеное и резкое, оттененное легкой дневной щетиной. Густые темные брови, прямой нос, чувственный рот. Я предполагала по другим фотографиям, что Ной высокого роста, и по какой-то причине его красивое и худощавое лицо только подтвердило мои предположения.

Однако больше всего меня потрясли его глаза. Они словно бросали вызов природе. Это их настоящий цвет или обработка фотошопом? Такой цвет можно назвать ореховым: карий, но с зелеными и золотистыми крапинками, точно коричневый бархат, усыпанный изумрудной крошкой и частичками золота. Никогда не видела подобного.

И эти поразительные глаза слепы.

Я нехотя перешла к другим фотографиям Ноя, на которых он гуляет по улицам европейского города, небрежно обнимая рукой то одну шикарную женщину, то другую. Прямо перед несчастным случаем он встречался с французской моделью Валентиной Пакет. Высокой, светловолосой и сногшибательной.

С Валентиной! С ума сойти!

Я осознала, что стиснула зубы.

– Не глупи, – буркнула я на себя, прокрутила страницу вниз и вскрикнула, отпрянув от экрана.

Внизу, среди фотографий Ноя на горнолыжном спуске или висящего на скале (с рельефными напряженными мускулами), находились три снимка, которые, судя по их паршивому качеству, были сделаны незаконно. Фотографии с мобильного, в спешке снятые в больничной палате.

Две из них, видимо, были сделаны до проведенных на спине операций. Ной лежит лицом вниз, с перебинтованной головой. Ото всех частей тела тянутся трубки и проводки, словно он получеловек-полуробот. Но его спина... Ничего ужаснее я в жизни не видела.

Справа, от шеи до середины лопаток тянутся три рваные раны, будто от когтей льва. Слева, если честно, я не понимала, что вижу: беспорядочное месиво из крови, разодранной плоти и какой-то белой жижи... или это кость? Невозможно определить, но выглядело тошнотворно. Я быстро отвела взгляд. На третьем фото с ноги Ноя, с внутренней стороны бедра, неровно снят прямоугольник кожи. Пересадка.

Я торопливо прокрутила страницу вверх, до промофото Ноя. Сколько ужаса и боли пережил этот красивый мужчина... Увидев все это, невозможно не пожалеть его. Люсьен знал, что делал, прося меня найти информацию о Лейке. После всего увиденного и понятого – того, кем Ной был и что он потерял, – в глазах стояли слезы. И я ничего не могла с этим поделать. «Сверхчувствительная ты моя», – все время дразнил меня брат, особенно поймав меня за промоканием глаз после сентиментальной рекламы.

Я уже собиралась позвонить Люсьену, когда в дверь постучали.

– Шарли? Это Эм.

– Да? – хорошо, что голос у меня звучал более-менее нормально.

– Ты ведь в курсе, какой сегодня день?

Задумчиво потянув прядь волос, я переместила взгляд с мобильного на фото Ноя, затем на дверь, за которой ожидала моего ответа Эмили.

– Дай мне минутку, – попросила я. – Мне нужно сделать звонок, а потом мы поговорим.

Эмили пробормотала что-то неразборчивое и, похоже, ушла. В гостиной зазвучали голоса. Очередная спонтанная вечеринка, и она точно затянется надолго, может, и до утра.

Еще одна бессонная ночь. Ни часа душевного спокойствия и комфорта для принятия наиважнейшего решения. Возможно, лучшего в моей жизни, а возможно, и худшего.

Я схватила блокнот, ручку и калькулятор. Пытаясь не брать во внимание печальные обстоятельства Ноя (не хотелось, чтобы они повлияли на меня), я составила план разговора с Люсьеном.

Десять минут спустя я заткнула щель в двери подушками, чтобы приглушить музыку, включенную на полную громкость в гостиной, сделала глубокий вдох и набрала номер, написанный на визитке Люсьена.

Два гудка, и он ответил на звонок:

– Аллю?

– Люсьен, это Шарлотта Конрой.

– А, Шарлотта, *ma cher*, – тон его голоса был теплым, но настороженным. – Не ожидал услышать тебя так быстро... и, боюсь, это не к добру.

– Совсем нет. У меня несколько вопросов и несколько условий. Я прочитала в интернете информацию о произошедшем с Ноем несчастном случае. Боже, фотографии...

– Прошу прощения, если они были слишком неприятными, но я хотел, чтобы вы увидели, почему...

– Вы хотели, чтобы я пожалела Ноя и согласилась стать его помощницей. Я права?

– Я бы выразился по-другому, моя дорогая, – Люсьен, судя по голосу, помрачнел. – Чтобы если вы согласитесь стать его помощницей, то испытывали бы к нему сострадание.

– Особенно когда он будет вести себя со мной как сумасброд и грубиян? – я покачала головой и смягчила тон. В конце концов, Люсьен может стать моим новым боссом. – Вы говорите мне о сострадании к нему, но что будет со мной? Буду ли я каждый день, с утра до вечера, подвергаться его словесным нападкам, издевательствам и оскорблениям? Если это так, то понятно, почему предыдущие профессионалы бросали свою работу.

– Ной не будет издеваться над вами: ни словесно, ни как-либо еще.

– Помнится, вы сказали что-то про «запугивать и помучить».

– Я неудачно выразился.

– Я просто пытаюсь защитить себя, Люсьен.

– И имеете на это полное право, – отозвался он. – Ной зол, ожесточен и раздражителен и никоим образом не будет скрывать это от вас. Но в глубине души он хороший человек. Работать с ним будет нелегко, Шарлотта. Это я вам гарантирую. Но я знаю Ноя и его сестру с самого их детства. Он может рычать, но не кусается. Обещаю вам это.

– Хорошо, – натянутые нервы звенели, но решимость взяла свое. – На прошлой неделе я доставляла ему заказ и видела, что первый этаж никем не занят.

– Так и есть.

«Кто не рискует, тот не пьет шампанское», – подумала я, зажмурилась и выпалила:

– Я хочу его занять.

Молчание.

В этой тишине мой великий план побега начал медленно таять, но потом Люсьен произнес:

– Я давно хотел, чтобы помощник жил с Ноем. Я волнуюсь за него... – надежда вернулась и тут же разбилась вдребезги. – Но Ной не согласится. Я предлагал ему это раньше. Он непреклонен.

– А если я смогу его убедить? – я нервно теребила покрывало.

– Шарлотта...

Я бросила взгляд на дверь. По другую ее сторону развернулась полномасштабная вечеринка. В понедельник. Я повернулась к двери спиной и двумя ладонями прижала мобильный к уху.

– Послушайте, Люсьен, у меня был... тяжелый год, и мне нужно немного покоя. Только в этом случае из меня выйдет хороший помощник. Ваш поиск-информации-план сработал. Мне ужасно жаль Ноя. И если вы считаете, что мое присутствие, поддержка и помощь хотя бы немного уймут его боль, то я согласна. Я сделаю все от меня зависящее, поскольку, как бы эгоистично это ни звучало, просто не могу позволить себе иного.

Послышался тихий звук, будто Люсьен выпустил изо рта сигаретный дым.

– Я опишу ситуацию мистеру и миссис Лейк. Они, как и я, беспокоятся из-за того, что Ной живет один. Однако я ничего не обещаю. В последнее время Ной бывает упрямым, как осел.

– Хорошо, – кивнула я. – Понимаю. Спасибо.

– Сумму заработной платы придется пересмотреть, ведь вам не придется больше платить за аренду...

Я зажмурилась и быстро сказала:

– Зарплата та же. Сорок тысяч долларов.

– Но вы же будете бесплатно проживать с... – начал Люсьен.

– Я буду работать круглосуточно, без выходных. Если Ной упадет и поранится посреди ночи, я буду рядом. Разве вы не этого хотите?

– Да, я хочу именно этого, – вздохнул Люсьен. – Больше всего на свете.

– Тогда сколько стоит ваше душевное спокойствие? Или душевное спокойствие мистера и миссис Лейк?

Я потянула прядь своих волос, прекрасно сознавая, что давлю на Люсьена. Однако отчаянные времена, как говорится, требуют отчаянных мер.

– А теперь вы манипулируете мной, мисс Конрой, – заметил Карон, но в его голосе слышалась улыбка.

– Я не подведу ни вас, Люсьен, – надежда ожила и окрепла, – ни Ноя.

– Моя дорогая, вам придется многое на себя взять. Возможно, вы еще не осознаете до конца...

– Я справлюсь. И не сдамся. Составьте договор на год, и я его подпишу. Обещаю, что не уйду, во всяком случае, в течение этого времени.

– Мне нужно обсудить это с Лейками, мисс Конрой, но для начала свое согласие должен дать сам Ной.

Я кивнула, нервно закусив губу.

– Какие у меня шансы?

– Месяц назад я бы сказал, что никаких. Но, по моему мнению, ни Лейки, ни даже Ной не могут больше игнорировать реальное положение дел. Ему не идет на пользу текучка незнакомцев, входящих в его жизнь и покидающих ее. Возможно, он нам уступит, но лишь «возможно».

Звучало неутешительно, но я приняла это. Мы с Люсьеном прояснили еще пару вопросов и договорились встретиться после моей смены у «Аннабель», чтобы оттуда дойти пешком до дома мистера Лейка на официальное собеседование.

Мы уже собирались попрощаться, когда Люсьен сказал:

– Возьмите с собой скрипку.

– Зачем?

– У Ноя в эти дни мало развлечений. Возможно, он не будет противиться вашему проживанию в своем доме, если вы продемонстрируете ему свои таланты.

Я открыла рот напомнить ему, что почти не практикуюсь сейчас, но меня вдруг осенило: если я буду жить в доме Ноя, то у меня будет время на репетиции. Может, в относительном покое и тишине я снова найду свою музыку.

– Я возьму ее.

Мы попрощались, и я еле сдержала улыбку. Вечеринка за дверью была в самом разгаре, и я танцевала на постели под приглушенную музыку. Так радоваться и обольщаться было не лучшей идеей, но я ничего не могла с собой поделать. Люсьен, наверное, прав. Я не до конца осознаю, во что ввязываюсь, но все выдержу. Я ведь совсем не бездельница, и за сорок тысяч долларов в год и бесплатное проживание я стану лучшей помощницей, какой только могу быть.

Осталось только убедить в этом Ноя Лейка.

Я плюхнулась на постель и снова открыла промо-фото Ноя, сделанное для «Планеты X». Потрясающий мужчина. С приятной улыбкой. Говорите, в глубине души он хороший человек?

Я провела пальцем по изгибу его губ.

– Возможно, это и так.

Глава 7

Шарлотта

Люсьен встретил меня после моей смены у «Аннабель». Весенний день был прекрасен. Мы шли к дому Лейка пешком, и я держала в руке футляр со скрипкой. За утро я заработала хорошие чаевые, значит, верну Эмили деньги, которые она доплатила за мою аренду. Надеюсь, больше мне тратиться на эту комнатуху не придется, хотя соседке я об этом еще не сказала. Мы с Люсьеном обговорили все тонкости моего найма. У меня будет зарплата в сорок тысяч долларов, выходной в воскресенье, время на репетиции и весь первый этаж для проживания.

Мое собственное жилое пространство. Мое, и ничье больше.

Я чуть не прыгала от радости, идя рядом с Люсьеном, хотя от нервов сводило живот. Предстоящая встреча с Ноем пугала до чертиков... по разным причинам.

Так же ли он красив, как на промофото «Планеты X», или изменился после пережитого? Будет ли он со мной так же груб, как в нашу первую «встречу», или его злобность – всего лишь игра? В конце концов, тогда я была незнакомым человеком в доме слепого. Могла прихватить с собой хрустальную вазу, а он даже не узнал бы об этом. Возможно, так он пытается себя защитить.

Но больше всего меня волновал вопрос, согласится ли он на все то, о чем мы договорились с Люсьеном. Хотя я и видела первый этаж мельком, но уже считала его своим.

– Дом принадлежит родителям Ноя, которые постоянно проживают в Коннектикуте, – объяснял мне Люсьен, покуривая сигарету. – Когда вчера вечером я рассказал им, что ты хочешь жить в этом доме, они пришли в восторг. Помимо постоянного волнения о сыне, они не без оснований беспокоятся о поддержании их собственности в надлежащем состоянии.

– Они редко навещают Ноя?

Губы Люсьена вытянулись в тонкую линию.

– Боюсь, что да. Сначала они виделись с ним часто, регулярно навещали в больницах и реабилитационном центре в Уайт-Плейнс. Однако когда они отдали ему свой дом, якобы для восстановления сил, он ясно дал понять, что не желает видеть никаких посетителей.

– Даже членов семьи?

– Он не хочет видеть ни родителей, ни сестру, ни многочисленных друзей, которых завел, как он сам выражается, в «другой жизни».

Мне сразу расхотелось подпрыгивать, и шаги стали тяжелее.

– Если он не встречается даже с семьей, то вряд ли позволит мне жить в этом доме.

– Это не ему решать. Последнее слово в этом вопросе останется не за ним. Давай пока не будем поднимать эту тему. Я сказал Ное, что ты просто придешь на собеседование. О совместном проживании я умолчал.

Я закусила губу.

– По-моему, это не совсем честно. Я думала, вы обсудите это с ним.

– Если бы я поднял этот вопрос, то Ной сразу ответил бы отказом и даже не стал бы встречаться с тобой.

– Оу.

Люсьен остановился и мягко похлопал меня по руке.

– В жизни бывают времена, когда мы должны делать так, как будет лучше, и чаще всего это «лучше» не значит «легче».

Мы подошли к таунхаусу Лейка, и я подняла взгляд на трехэтажный дом, стараясь не думать обо всем, что стоит на кону. Люсьен снова ободряюще похлопал меня по руке.

– Веди себя так, словно проходишь собеседование на обычную должность. Будь честной, будь собой. Дай ему смягчиться в отношении тебя, насколько это возможно, а остальное предоставь мне.

Люсьен отпер переднюю дверь и посторонился, давая мне пройти.

– Ной? *Nous sommes arrivés*¹⁰.

В ответ тишина.

Люсьен рукой показал мне первой подняться по лестнице. Он делал это из вежливости, но я ощущала себя человеческим щитом, пока не вспомнила, что Ной меня не увидит. Будь я в сомбреро или в балетной пачке, это не имело никакого значения. Первое впечатление обо мне сформируется, когда я заговорю.

Не очень утешительная мысль.

В кухне на втором этаже справа от меня немного прибрались. Наверное, на выходных сюда заглядывал Люсьен. Стекланный кофейный столик, очищенный от мусора, теперь стоял между бежевым кожаным диваном с одной стороны и таким же креслом с другой.

В кресле сидел Ной Лейк.

На секунду все разумные мысли покинули мою голову. Осталась лишь одна: промофото «Планеты X» не передавало всей его красоты. Ни капли.

Ной был одет в черную футболку с V-образным вырезом, серые спортивные штаны и новые беговые кроссовки. Его торчащие из кресла бесконечно длинные ноги подтвердили мое предположение: он высокий. Точно выше ста восьмидесяти сантиметров.

Несчастный случай никак не отразился на его внешности, хотя кожа стала бледнее и волосы отросли. Точеные скулы покрывала легкая щетина. Если уж на то пошло, вживую Ной был еще привлекательнее, чем на фото, – потрясающий образец мужской красоты. Вот только чего-то не хватало.

«Улыбки», – осознала я. Трагедия лишила его этого. Мужчина на фотографии сиял, был полон жизни и *joie de vivre*¹¹, как сказал бы Люсьен. С красивого лица Ноя, сидящего передо мной, казалось, никогда не сходило хмурое выражение. Оно словно въелось в его черты. Все эти месяцы он, наверное, и помыслить не мог об улыбке.

Я смутно ощутила, что Люсьен положил ладонь на мою поясницу и мягко подтолкнул меня вперед, чтобы я дала ему пройти. Он подвел меня к дивану напротив Ноя. Я молча села и положила футляр со скрипкой возле ног.

– Ной, *comment ça va? Bien?*¹²

Ной неопределенно хмыкнул. Он не сводил своих потрясающих ореховых глаз со столика.

– Ной, это Шарлотта Конрой, – представил меня Люсьен.

Я заметила, что он не сел рядом с нами.

– Рада познакомиться, – сказала я Ною. Слава богу, мне хватило ума не протянуть руку.

Ной вскинул голову и повернул лицо, пытаясь найти меня по голосу. Его взгляд мельком прошелся по мне и остановился на шее.

– Свинья, – произнес он глубоким, ровным, но холодным голосом.

¹⁰ Мы пришли (фр.)

¹¹ любви к жизни (фр.)

¹² как дела? Хорошо? (фр.)

Я вздрогнула.

– Простите?

– Ной! *Tiens-toi bien*¹³! – одернул его Люсьен, но тот не обратил на него внимания.

– Это ты на прошлой неделе приносила мне заказ. Я узнал твой голос, – Ной изогнул уголок губ в усмешке. – Обостренные чувства – своеобразный утешительный приз при слепоте, – он повернул голову в сторону Люсьена. – И она, по-твоему, станет мне хорошим помощником?

Возвышающийся надо мной мужчина устало потер глаза.

– *Mon Dieu*¹⁴, Ной...

– Удивлен? – фыркнул Ной. – Ты же знаешь меня. Можешь идти, Люсьен. Давай поскорее с этим покончим.

Люсьен нахмурился и опустил ладонь на мое плечо.

– Вернусь через сорок пять минут. У тебя есть мой номер на случай, если вы закончите раньше. Ной, *s'il vous plaît être gentil*¹⁵.

– *Toujours*¹⁶, – пробормотал Ной. Его акцент был почти столь же идеален, как и у Люсьена.

Карон вздохнул, одарил меня на прощание обнадеживающей и одновременно сочувствующей улыбкой и пошел вниз. Входная дверь захлопнулась, и мы с Ноем Лейком остались одни.

Полуденное солнце заливало комнату теплым светом, и в нем в глазах Ноя вспыхивали золотые искорки. Я могла бы смотреть в эти глаза вечно и потеряться в их невероятной красоте. Уму непостижимо, что теперь они служат чем-то вроде украшения.

– Манеры у тебя не очень, м-м-м? – выдернул меня из мыслей Ной.

– Прошу прощения?

– Глазеть на бедного слепца неприлично, – медленно произнес он, словно объясняя это неразумному ребенку.

– Я не глазела, – поерзала я на диване. – Ну, может, немного. Ты не такой, каким я тебя представляла. И потом...

– И потом что?

– Ничего, – я велела себе прикусить наконец свой длинный язык.

– И потом что?

Я скрестила руки на груди.

– Если тебе так хочется это услышать, то я собиралась сказать, что не тебе жаловаться на плохие манеры, – я напряглась, приготовившись быть изгнанной с собеседования еще до его начала.

– С этим не поспоришь, – пожал Ной плечами, – но ты сказала, что представляла меня другим. Каким же? – на его губах снова заиграла усмешка. – В солнцезащитных очках и с тростью?

– Я начала работать в «Аннабель» до того, как ты стал заказывать там еду. Я представляла тебя гораздо старше – и гораздо менее привлекательным.

– Но я ведь старше тебя? У тебя юный голос. Тебе около двадцати?

– В октябре исполнится двадцать три.

– Ты раньше работала помощником?

– Нет. Я музыкант...

– Хорошо, – Ной откинулся на спинку кресла. – Чем меньше опыта у этих гребаных профессионалов, тем меньше они меня бесят. Перейдем к делу. Я сейчас перечислю тебе свои требования. Настоящие указания, а не ту благонамеренную сострадательную чушь, которую

¹³ Веди себя прилично! (фр.)

¹⁴ Боже мой (фр.)

¹⁵ пожалуйста, будь любезен (фр.)

¹⁶ Всегда (фр.)

тебе, скорее всего, наговорил Люсьен. То, что я ищу, и то, что хочет он или мои родители, – две совершенно разные вещи. Это ясно?

Я кивнула.

– Ау?

– О, прости...

Ной раздраженно вздохнул.

– Дам тебе полезный совет. Если ты киваешь, я этого не вижу. Как не вижу качание головой, пожатие плеч, неприличный жест и любую другую жестикуляцию. Когда я задаю тебе вопрос, нужно говорить.

– Хорошо, прости, – я тяжело вздохнула. Не раздражайся на него. Думай о личном жилом пространстве, о покое и тишине...

– И не извиняйся, – рявкнул он. – Это я ненавижу больше всего.

– Я все понимаю, но ты меня ужасно нервируешь.

– Правда? А я ведь сегодня в настроении.

В настроении? Возможно, Люсьен прав. Может, я переоценила свои силы?

Я скинула с плеч дождевик, чтобы не вспотеть.

– Мне хотелось бы попить. Можно я налью себе воды?

– Да, пожалуйста.

– Спасибо. Тебе тоже налить?

Я не пыталась таким образом заработать себе очки. Просто, что бы там ни думал Ной о моих манерах, родители учили меня быть вежливой. Однако мой вопрос, похоже, его удивил. Напряженный взгляд ореховых глаз метнулся ко мне, но промахнулся, уставившись в пространство справа от меня. Так близко. Стоит мне слегка подвинуться, и наши взгляды встретятся.

– Эм... нет, – сказал он. – Нет.

Я уже начала кивать, но спохватилась.

– Хорошо. Тогда я просто...

Поднявшись, я прошла на кухню. Нашла стакан в шкафчике из дорогого темного дерева слева от раковины и набрала воду из-под крана. Не рыться же мне в чужом холодильнике в поисках бутилированный или фильтрованной воды. Все это время я остро чувствовала на себя взгляд Ноя, словно он смотрел на меня зрячими глазами.

Я сделала долгий глоток, мысленно настраивая себя: «Крепись. Ной грубый, но он страдает. Не забывай об этом». Однако я также решила, что если он перейдет черту, я уйду.

Но увижу ли я эту «черту» или бесплатное проживание и годная зарплата застыт мне глаза?

Я вернулась на диван и поставила стакан на подставку с изображением Эйфелевой башни.

– Успокоилась? – резко осведомился Ной. – Теперь мы можем продолжить?

И снова я чуть не кивнула.

– Да. Да, я готова.

– Хорошо. Я буду краток. Быть моим помощником означает, что ты должна держаться от меня подальше и не подпускать ко мне никого другого. Твоя задача – прибирать за мной и обеспечивать меня всем необходимым для выживания. На этом все. Мой посуду, выноси мусор. Мой пол и, если у тебя нет садистских наклонностей, предупреждай меня, когда он мокрый. Вытирай пыль, пылесось, стирай, складывай и убирай в шкаф мои вещи, если нужно – гладь их. Я ненавижу мягкое и хочу по-прежнему выглядеть презентабельно для той безлюдной толпы, которую сейчас развлекаю. Ты готовишь?

Я моргнула на внезапный вопрос. Ной говорил в резкой, отрывистой манере, его мозг работал на полную катушку. Последний вопрос был возможностью заработать очки, по крайней мере, я на это надеялась.

– Готовлю, – обрадовалась я. – Не ресторанные блюда, конечно, но обычные – запросто. Я очень вкусно жарю курицу...

– Забудь об этом, – оборвал меня Ной. – Ты будешь покупать для меня в магазинах всякую мелочь вроде каш и закусок. Никакой готовки. Во всяком случае, для меня. Я заказываю еду в нескольких ресторанах. Ты будешь делать эти заказы и забирать их.

– Предпочитаешь доставку на завтрак, обед и ужин?

Он поднял брови.

– У тебя это вызывает какую-то сложность?

– Это столько денег...

– Спасибо за беспокойство, но управление финансами не входит в твои обязанности. Так же как и мой рацион.

– Ладно, ладно. Просто... тебе не надоедает еда навынос?

Ной склонил голову набок, вновь изогнув губы в усмешке.

– Я много от чего устал, но еда навынос находится в конце этого списка.

– О, ясно.

– Еще ты будешь заказывать для меня книги. Аудиокниги, поскольку черта с два я буду учить шрифт Брайля, как бы меня с этим ни доставали консультанты. Я слушаю много книг, поэтому, как только я велю тебе раздобыть мне что-то, ты немедленно это достанешь. Ждать я не люблю.

– Аудиокниги? Мне их в интернете заказывать?

– Ведь зрячие придурки именно там их заказывают, да? – насмешливо произнес он. – Нет, я особенный, поэтому у меня специальное устройство, которое работает с особыми SD-картами, которые ты и будешь заказывать для меня. *Comprenez vous*¹⁷?

– Да, – я осознавала, что его грубость направлена не на меня, а на него самого. Ной исходил ненавистью к самому себе, и я решила показать ему, что способна заглянуть за пределы его едких замечаний и найти с ним общий язык. – Какие книги тебе нравятся? Я тоже очень люблю читать. Всегда любила. Я с детства много читаю и... эм...

Я умолкла под испепеляющим взглядом Ноя. И хотя он был направлен не прямо мне в глаза, он, черт возьми, пугал.

– Я люблю разные книги. Мне можно продолжить? Или теперь ты захочешь узнать мой любимый цвет?

Вот тебе и нашла общий язык.

– Продолжай, – я сложила руки на груди.

– Ты будешь выполнять все мои поручения, и это, вероятно, займет невероятное количество твоего времени, поэтому мне решать, сможешь ли ты подрабатывать где-то еще. Тебе придется бегать по всему городу. Ты хорошо знаешь Нью-Йорк или только из деревни приехала?

– Хорошо знаю, – ледяным тоном ответила я.

– Славно, – он наклонился вперед, все еще глядя чуть ниже моего лица. – И последнее. Считай это самым важным аспектом своей работы и запомни раз и навсегда: ты ни при каких обстоятельствах не заговариваешь со мной, не притрагиваешься ко мне и не помогаешь мне, пока я не попрошу тебя об этом сам.

У меня опустились руки.

– Постой. Мне что, запрещается с тобой говорить?

– Касательно твоих обязанностей – нет. В любом другом случае...

– В любом другом случае ничего и никогда?

– Почему бы тебе этого хотеть?

– Даже не знаю. Из элементарной вежливости. «Привет, как дела?»

¹⁷ Понятно? (фр.)

– Давай кое-что проясним, – сказал Ной. – Мы с тобой не будем друзьями. Я – твой наниматель, а ты – мой наемный работник. И точка. Если Люсьен забил твою голову всякими соображениями вроде «вытащить меня из моей раковины» или «научить меня видеть положительные стороны», забудь об этом. Ты не существуешь для меня, пока я не обращусь к тебе по необходимости. Не будет такого, как в той истории, где любопытная девица навещает больного калеку и он снова начинает ходить.

«Он о «Таинственном саде»?»¹⁸ – потрясенно подумала я. Ной и правда много читает. Похоже, сейчас он только этим и занимается.

– Возможно, ты думаешь, что полно людей, которые справляются с трудностями лучше меня, – полным презрения голосом продолжил Ной. – Может, хочешь затянуть уже порядком поднадоевшую мне песню о том, что для многих слепота не помеха, а лишь «часть того, кем они являются», или подобную отвратную чушь. Не стоит. Слышал это уже тысячи раз. Я не герой и не стоик, и плевать я хотел на то, что думают обо мне другие. У меня была жизнь, и ее уничтожили. И я просто в ярости. Но знаешь что? Это не твое собачье дело.

Мне вспомнилось увиденное и прочитанное в интернете, и щеки залила краска. Люсьен сделал это «моим делом», и сейчас я почувствовала, как это неправильно. Готова биться об заклад: Ной понятия не имеет о существовании больничных снимков. Я представила себя на его месте и ощутила жуткую уязвимость, полное отсутствие контроля и потерю. Наверное, я бы злилась так же, как он.

– Ты все еще здесь?

– Да, я все еще здесь, – многозначительно ответила я.

Черты его жесткого лица слегка смягчились, когда он услышал в моем голосе тихую решимость, но лишь на секунду. Затем он снова отгородился стеной.

– Хм. Должно быть, ты отчаянно нуждаешься в работе.

– А вот это не твое дело, – ответила я. – Однако я хочу получить эту работу и хочу выполнять ее хорошо. Так что еще? Мне запрещено обращаться к тебе. Нет, не так – мне запрещено существовать для тебя, пока я тебе не понадобится. Что-нибудь еще?

Если Ною пришлось не по нраву мое неумение следить за своим языком, то он этого не показал. Возможно, ему, наоборот, такое по душе. Иначе я не понимаю, почему он не вышвырнул меня за дверь. «Вышвырнул меня? Да ему повезло, что я сама отсюда не ушла!»

– Да, что же еще, – протянул Ной. – Не надо бежать ко мне сломя голову, если я на что-то наткнулся или ушибу мизинец. Ясно?

– А если ты серьезно пострадаешь?

– Когда вонь моего разлагающегося трупа даст тебе знать о моем затруднительном положении, смело вызывай полицию.

Я закатила глаза.

– А если ты упадешь и ударишься головой? Или потеряешь сознание?

– В этом случае... – усмешка сошла с его лица, а колкий ответ так и не сорвался с губ. Ной устался в стол... точнее, в никуда, поскольку стол он видеть не мог. – В этом случае дай мне поспать.

Мои напряженные плечи расслабились и поникли. Ной был язвителен и резок, а потом вдруг на него нахлынула боль, словно вода через щель в плотине.

– Я не смогу сидеть сложа руки и ничего не делать. Я не...

Ной вскинул голову, словно вырванный из забытья.

– Что? Нет, конечно, не сможешь, упаси тебя бог. Однако побереги свою заботу, – его красивые черты снова исказила усмешка, еще более едкая, чем раньше. – Мне кажется, однако

¹⁸ «Таинственный сад» – роман англо-американской писательницы Фрэнсис Элизы Бернетт.

потом не припоминай мне это, что я уже пережил самое ужасное падение в своей жизни. Все, что от тебя требуется, – держаться подальше от меня. Справишься?

Я кивнула, но тут же опомнилась:

– Справлюсь.

– Хорошо, – Ной вдруг стал выглядеть невероятно уставшим. Даже измотанным. Тем не менее он изобразил фальшивый энтузиазм и хлопнул в ладоши.

– Поздравляю! Ты нанята. Приступишь к работе в понедельник с восьми утра, – ему пришла в голову какая-то мысль. – Ты вряд ли живешь рядом. Как далеко? Если ты живешь где-нибудь у черта на куличках и мне каждый день придется выслушивать оправдания, почему ты опоздала, то лучше давай прямо сейчас избавим друг друга от лишней мороки...

– Я живу в Гринвич-Виллидже.

– Тогда у тебя нет причин опаздывать. Никогда.

– Да, но... эм...

– Но что? Собеседование окончено. Можешь проваливать ко всем чертям. Мне еще нужно собрать пазл и пострелять по тарелочкам. Так что, если ты не против...

Я молчала, и Ной склонил голову набок.

– Юмор бедного слепца не по тебе? Я еще поработаю над ним.

Ной оставался сидеть в кресле, хотя я видела: ему не терпится уйти. Я чувствовала, что он не хочет при мне идти на ощупь, отказывается показывать и признавать свою слепоту.

– Ну? – рыкнул он. – Что?

– Думаю, нам стоит позвонить Люсьену.

– Зачем? Я с тобой закончил. Можешь обсудить с ним детали и подписать бумажки позже. Сейчас тебе лучше убраться поскорее из моего дома, пока я не передумал тебя нанимать.

– Просто... позвони ему. Или я позвоню сама.

Ной, вновь неприятно ухмыльнувшись, отмахнулся от меня и вынул из кармана штанов странного вида телефон.

– Позвонить Люсьену.

Я сидела, нервно теребя в ожидании руки. Радость от получения работы, хотя признать, что в этот самый момент я не особо-то и радовалась, омрачалась еще и тем, что Ной был в десяти секундах от срыва.

– Люсьен, – гаркнул он в трубку. – Я закончил собеседовать... Не помню, как там ее зовут, но она отказывается уходить, пока я не поговорю с тобой. Ты в курсе почему?

Глаза Ноя расширились на сказанное Люсьеном, красивые черты лица исказились от ярости.

– По-моему, я совершенно ясно выразился по этому поводу. Множество раз! – Пауза. – Нет. Ты по-английски не понимаешь? *Je vis seule et c'est*¹⁹, и это не обсуждается. *Vous m'entendez*²⁰? Не обсуждается, черт тебя подери! – Ной ткнул на кнопку в телефоне и бросил его на колени. – Убирайся, – велел он мне, опустив взгляд.

– Эм... Люсьен...

– Вон!

Я вздрогнула и поднялась. В эту секунду на мобильный пришло сообщение от Люсьена. «Уже иду».

Я не собиралась сидеть тут и ждать его. Спустившись по лестнице вниз и оставив Ноя беситься в одиночестве, я встретила Люсьена на улице за дверью. На его лице было написано беспокойство.

– Шарлотта, надеюсь, он не сделал и не сказал ничего непростительного?

¹⁹ Я живу один (фр.)

²⁰ Ты меня слышишь? (фр.)

– Нет, но он в бешенстве. Нужно было сказать ему о моем проживании раньше.

– Я все улажу. Он тебя нанял?

– Да, но я что-то не в восторге, – фыркнула я. – Он обращался со мной, как с букашкой под своей ногой, но ненависти не выказывал. Однако он возненавидит меня, Люсьен, и уволит еще до начала работы.

– Это невозможно, – пожилой джентльмен по-доброму погладил меня по щеке. – Подожди меня здесь, пожалуйста. Десять минут.

Кивнув, я села на крыльце и, несмотря на теплый полдень, зябко обняла себя за плечи. И просидела так ровно десять минут. В какой-то момент мне показалось, что я слышу доносящиеся из дома крики, но я могла ошибаться – на улице было слишком шумно.

Наконец на пороге появился Люсьен. Его лицо было напряженным, однако по ступенькам он спустился с яркой улыбкой на лице.

– Все хорошо, *ma chere*. Первый этаж приберут, чтобы ты могла переехать сюда в выходные и в понедельник приступить к работе. Или тебе нужно больше времени, чтобы уведомить своего арендодателя и работодателя?

– Нет, не нужно, – ответила я. Душу охватило радостное волнение, несмотря на ужасное окончание собеседования с Ноем. Неужели это происходит на самом деле? Паршивые жилищные условия, ужасная работа, отчаянные усилия, чтобы держаться на плаву, – все это осталось в прошлом. По крайней мере, на какое-то время.

– Так что случилось? – спросила я Люсьена по дороге назад. – Ной теперь не против, чтобы я жила в его доме?

Он натянуто улыбнулся.

– Не то чтобы не против, но, уверен, он привыкнет к этой мысли.

Я закусила губу.

– Ради этой работы мне придется многое бросить. Я, конечно, рада избавиться от всего этого, но как только я это сделаю, назад пути не будет.

– Он тебе и не понадобится. Родители Ноя предъявили ему ультиматум, который я ему передал: позволить помощнику проживать вместе с ним или самому лишиться возможности проживать в этом доме.

– Значит, шантаж, – фыркнула я. – Неудивительно, что он взбешен.

Улыбка Люсьена погасла.

– Это для его же блага. Ты здесь, моя дорогая, для его же блага.

– Но наше собеседование прошло из рук вон плохо.

Люсьен остановился и серьезно посмотрел мне в глаза.

– Пока Ной не научится жить как слепой, а не как человек, который когда-то был зрячим, ему всегда нужен будет помощник. Его родители это понимают, я это понимаю, и Ной это тоже понимает. – Он улыбнулся и похлопал меня по руке. – И сейчас я безумно рад, что его помощником будешь ты.

Я выдавила слабую улыбку. Хотя бы кто-то из нас этому рад.

В поезде, по дороге в Гринвич, я прокручивала случившееся в голове, и все мои опасения блекли от предвкушения сказать Эмили, что я больше не буду снимать комнату в квартире. Больше никаких вечеринок, никаких выжиданий, когда же освободится ванная, никаких про-

буждений под звуки плотских утех. Я буду свободна от всего этого, и у меня будет достаточно времени и денег, чтобы попытаться снова найти свою музыку.

Моя музыка.

Моя скрипка.

Я забыла скрипку у Ноя.

Я никогда не оставалась без своей скрипки, никогда. Это «Самуэль Истмен», совсем не дешевка. Родители много работали, чтобы скопить денег на нее и подарить мне четыре года назад в качестве подарка на поступление в Джульярд. Меня охватила неконтролируемая паника.

Ной не увидит ее. Что если он споткнется об нее и разозлится? Он и так в ярости. Что если он так рассердится, что выбросит ее в окно? Или вздумает поиграть на ней и порвет струну?

Подобное, скорее всего, маловероятно, но я не могла оставить там свою скрипку. Придется возвращаться.

– Дерьмо, – пробормотала я.

Сидящая рядом леди кивнула:

– Дорогуша, я слышала это.

Глава 8

Шарлотта

Я нажала на звонок, все еще пытаюсь восстановить дыхание после забега от метро. Ной не ответил. Я ждала, и ждала, и ждала.

Позвонила снова. И еще раз. Уже нацелилась четвертый раз нажать на звонок, когда заболел домофон.

– Что? – злобно рявкнул Ной.

Я поморщилась. Второй дозы фирменного очарования Ноя совсем не хотелось, но мне нужна моя скрипка. Я редко прикасалась к ней в последнее время, но мне становилось дурно от одной мысли быть вдали от нее.

– Это я, Шарлотта. Я оставила в гостиной скрипку.

– Оставила что? – ответа Ной не ждал. – На кой черт ты притащила сюда скрипку?

– Люсьен попросил.

– Он что, впадает в маразм?

Я немедленно ошетибилась. Удивительно, как быстро Люсьен стал важен для меня.

– Сделаю вид, что не слышала этого.

– А подождать не судьба?

Я насупилась. Он это серьезно?

– Это займет пару секунд. Я войду и тут же выйду.

После короткой паузы дверь открылась.

Я вошла и взбежала по ступенькам на второй этаж, собираясь взять скрипку и сразу уйти... и еще, может, мельком взглянуть на свое будущее жилье. Я также ожидала, что Ной будет у себя, не желая общаться со мной, но вместо этого обнаружила его в гостиной, на последних трех ступеньках, ведущих на третий этаж. Ной сидел, свесив руки с колен и опустив взгляд. На меня он его не перевел.

– Эм... привет.

Я решила, что могу смотреть на него в упор сколько угодно, пока жду ответа, поэтому без всякого стеснения тарасилась. Боже, он словно произведение искусства. Грубое, неприветливое и сердитое произведение искусства.

Через какое-то время я осознала, что Ной и не думает отвечать. Заметив на полу возле дивана скрипку, а на его подлокотнике синий нейлоновый дождевик, я нахмурилась. Ной выгнал меня из дома, и я, как побитый щенок, поспешила удрать, позабыв обо всем на свете.

«Больше не позволю ему так действовать на меня», – пообещала я самой себе и чуть из кожи не выпрыгнула, когда Ной заговорил.

– Неплохой план придумали.

– Я не знала ничего о...

– Не утруждай себя извинениями, – зарычал он. – Спасибо тебе и Люсьену за львиную долю снисхождения. За потерю моего времени на собеседование, результат которого был и так предreshен.

– Забавно, но я могу то же самое сказать о тебе.

Ной недоуменно моргнул и поискал меня глазами, расширившимися от удивления.

– И как же ты это поняла?

– Ты не проводил никакого собеседования. Не задавал мне никаких вопросов, не спрашивал о моей квалификации или рекомендациях. Я сомневаюсь, что ты знаешь мое имя. Ты просто перечислил мои обязанности, и все.

– И к чему ты это?

Я надела дождевик и скрестила руки на груди.

– К тому, что тебе было совершенно не важно, кто перед тобой сидит. Подобное «собеседование» ты проводил уже раз шесть, вероятно с мыслью, что человек перед тобой бросит работу через несколько недель.

Ной усмехнулся.

– Пока шесть из шести.

– Шесть из семи, – поправила его я. – Может, тебе и все равно, какие трудности ты доставляешь Люсьену каждый раз, когда ему приходится искать тебе другого помощника, а мне – нет. Он мне безразличен, и ради него я постараюсь стать тебе хорошим помощником.

– Ну да, – фыркнул Ной. – А зарплата и бесплатное проживание, конечно же, не имеют к этому никакого отношения.

– Имеют, ты прав. Для меня они немаловажны. До этой выпавшей мне возможности я словно бегала на месте. Многое сейчас стоит на кону, – твердо сказала я, – так что можешь язвить и ворчать на меня сколько угодно, я никуда не уйду. Честно тебя предупреждаю.

В воцарившейся тишине я подумала, что, вероятно, перешла черту или что он поднимет меня на смех. Он ведь может подождать с неделку и уволить меня, сказав Люсьену, что я не справилась с работой. Чувствуя себя глупо, я ждала, пока Ной заговорит, ждала насмешек и издевок.

Вместо этого Лейк наклонил голову и свел брови.

– Ты всегда так честна?

– Ну... да. Я не хотела грубить тебе, – я переступила с ноги на ногу.

– Честность лучше притворства, будто все вокруг чудесно и прекрасно, и уж куда лучше жалости.

– Поэтому ты всем грубишь? Чтобы тебя не жалели?

– Но ведь действует?

– Не на всех, – мой голос смягчился. – Я... я знаю о твоём несчастном случае. Люсьен рассказал мне, и я...

Ной поднял руку, обрывая меня на полуслове. В его голосе еще слышалась толика сарказма, но еще сильнее улавливались усталость и глубокое горе.

– Не вижу ни единой причины для обсуждения случившегося, а ты?

– Нет, – покачала я головой.

– Ты будешь жить на первом этаже, – вяло сказал Ной. – Я – на третьем. Если дело не касается твоих обязанностей, лучше меня не трогай. Второй этаж тоже в твоём распоряжении, если захочешь. Я редко сюда спускаюсь. Но это не значит, что ты можешь приводить сюда друзей и устраивать вечеринки. Я запрещаю это. Это все еще, черт возьми, мой дом.

– Хорошо, никаких проблем, – отозвалась я и, шокированная, уставилась на поднявшегося Ноя.

Мама дорогая! Я знала, что он высокий, но не до такой же степени, не под два метра ростом. Я всего сто шестьдесят. Если бы мы танцевали медленный танец, то даже на шпильках я доставала бы ему только до подбородка.

Танцевали? Откуда это взялось? Я захлопнула отвалившуюся челюсть и пронаблюдала за тем, как Ной медленно прошел в гостиную. Он держал руки опущенными, изо всех сил

пытаясь выглядеть обычно, пока не уткнулся бедром в спинку кресла, на котором ранее сидел. Ной обошел его и сел.

Мое сердце слегка заныло – не из-за его слепоты, а из-за того, как усиленно, но тщетно он пытается делать вид, что ее не существует.

– Моя интуиция подсказывает мне, – произнес Ной. – Ты смотришь на меня?

– Да. Ты намного выше, чем я ожидала.

Он, естественно, не удержался от очередной насмешки.

– Я выше, чем ты думала, моложе, чем ты думала, а вот ты остаешься для меня загадкой. Давай разрешим ее. Как ты выглядишь?

– Прощу прощения? – остоленела я.

– Это сложный вопрос? И присядь, пожалуйста, – Ной потер уголок глаза. – Я не знаю, куда направлять взгляд при разговоре с тобой. Помоги мне с этим, чтобы я не промахивался.

Я опустилась на диван. Собеседование, часть вторая. Пульс слегка участился. Ясное дело, этот разговор будет существенно отличаться от предыдущего.

– Ты хочешь знать мою внешность?

– Думаю, это справедливо при наших обстоятельствах?

– Полагаю, что да.

Услышав в моем голосе мягкость, Ной решил не давить на меня.

– Если тебе самой трудно себя описать, давай я помогу. Цвет волос?

– Эм... каштановый.

– Каштановый, – Ной почесал подбородок. – Господи, и это я слепец. Темный? Светлый? Какой он на солнце? Отдает в красное или в золото? Или это просто дурацкий скучный коричневый цвет?

– Светло-каштановый. Особенно на солнце.

– С легкой рыжиной, значит. Волосы длинные? Короткие?

– До плеч. Обычно я их закалываю, так как они густые и непослушные.

– Очаровательно. Глаза?

Я сложила руки на груди.

– Синие.

– Просто синие?

– Просто синие, хотя это и грубо с твоей стороны.

Ной вздохнул и провел рукой по своим темным волосам.

– Я помню краски и цвета. Множество. Все их комбинации, оттенки и полутона. Когда ты говоришь «синий», я не представляю, какой именно оттенок ты имеешь в виду.

– Синий с легким серым оттенком.

– Аллилуйя! Кожа?

– Да, кожа у меня есть, – тихо рассмеялась я. Ной поморщился. – Вопрос был смешным. У него дернулся уголок губ, но он ничего не сказал.

– У меня светлая кожа с горсткой веснушек. Я могла бы загореть, будь у меня на то время. Но его нет, и я уж молчу о том, что Нью-Йорк не славится пляжами с белым песком.

– Это точно.

На лице Ноя появилось отсутствующее выражение. Видимо, он вспомнил настоящие пляжи с белым песком, на которых бывал в своей «другой жизни». Я мысленно подметила, что лучше бы мне следить за своим языком. Но потом Ной открыл рот, и любое сочувствие к нему тут же улетело в окно.

– Рост, вес, сложение? Мне кажется, ты не полная, но маленького роста. Ты мелкая?

Я снова сложила руки в защитном жесте.

– Мое сложение к делу не относится, и спрашивать о нем крайне нетактично.

Ной резко рассмеялся.

– Ой, не обольщайся. Судя по всему, у меня пострадала не только черепушка, но и член, поэтому не бойся, что я буду к тебе приставать.

Я распрямила плечи.

– Мой рост сто шестьдесят сантиметров, и это все, что тебе нужно знать. И не заводи со мной разговоров о членах – пострадавших или нет. Я теперь твой наемный работник, и это считается сексуальным домогательством.

Он смутился, чем поразил меня.

– Как скажешь.

Последовало молчание. Ной, похоже, чего-то ждал. У меня появилось чувство, что, несмотря на вечно хмурое выражение лица, он получал удовольствие от нашей беседы.

Что ж, от меня не убудет, если я сама с ним заговорю. И потом, пора начинать отрабатывать зарплату.

– Так ты читал «Таинственный сад»?

– Что?

– Ты упомянул девочку, навещавшую больного мальчика. Ты ведь имел в виду «Таинственный сад»?

Ной пожал плечами.

– Я давно читал эту книгу.

– Ты всегда любил читать?

– Да. Тебя это удивляет?

– Немного.

– Почему? Потому что я был тупым спортсменом, любившим бросаться со скал?

– Возможно, – призналась я и отметила про себя, что предвзятое мнение у меня сложилось еще и из-за его привлекательной внешности. Никогда бы не подумала, что такой красавец будет читать книги, тем более классику. От стыда у меня запылали щеки.

– Если не читать много, заниматься писаниной вряд ли получится, а я писал статьи и делал фотографии. Для журнала, – на его лице промелькнула боль. – Какого хрена я распустил язык? Проехали. Разговор окончен. Можешь идти. И не забудь свою чертову скрипку.

– Не забуду, – меня охватил странный приступ разочарования. Я взяла футляр со скрипкой и поднялась.

– Для чего Люсьен просил тебя ее принести?

– Не знаю. Может, подумал, что ты захочешь послушать, как я играю. Он сказал, что, возможно, ты не услышишь мою игру наверху, хотя я буду практиковаться каждый день.

– Возможно, не услышу? – рыкнул Ной. – Я все слышу. Ты будешь заниматься каждый день? Хорошо играешь? Или мне будет казаться, будто кого-то режут или тянут кота за хвост?

– Я играю с пяти лет, – возвела я глаза к потолку, – и в прошлом году закончила Джульярд. Плохой мою игру точно не назовешь.

– А для чего практикуешься? Для прослушиваний в какой-нибудь крутой оркестр? В таком случае работа здесь лишена всякого смысла, не находишь?

– Нет, нет, я не хожу на прослушивания. Я не... Мне нужно практиковаться, чтобы не потерять навык.

Ной сузил глаза, направленные влево от меня.

– Что ж, давай.

– Что давать? – обомлела я.

– Сыграй что-нибудь.

– Оу. Я сейчас почти не играю перед людьми.

Он склонил голову набок.

– Ты выкинула сорок тысяч в год на обучение в школе, где тебя учили выступать перед людьми, чтобы не делать этого?

- Я выступаю в редких случаях.
- Сейчас как раз такой. Давай послушаем тебя.
- Ты серьезно?
- Я ведь сам об этом попросил?
- Скорее потребовал. Ладно, – я снова села. – Что хочешь услышать?
- Удиви меня.

Я открыла футляр, достала скрипку и приложила к подбородку. В голове пронеслась сотня музыкальных произведений. Я коснулась смычком струн, решив сыграть двадцать четвертый каприз Паганини. Это невероятно сложное произведение, и, хотя красоваться не в моем стиле, мне хотелось стереть с лица Ноя сомнения и самодовольство.

Однако ни с того ни с сего из моей скрипки полилось адажио Моцарта к концерту № 5.

Я играла, и звуки, пламенные и тягучие, заполняли собой всю гостиную. Я была лишь сосудом для этой музыки и словно со стороны наблюдала за тем, как пальцы вибрируют, а смычок скользит по струнам. Подобное ощущение я не испытывала с прослушивания для квартета «Весенние струны». Я думала, что утратила его навсегда, но здесь и сейчас...

Прежде чем мелодия изменила темп на более интенсивный, я оборвала ее, дав последней нежной ноте ненадолго повиснуть в воздухе. Сердце колотилось как сумасшедшее, и я смотрела на смычок, удивляясь тому, что его держит моя рука.

Я перевела взгляд на Ноя. Он сидел совершенно ошеломленный.

– Почему ты остановилась? – в его голосе слышалась лишь тень обычной горечи.

Не в состоянии говорить, я молча вернула скрипку в футляр.

– Мне пора уходить.

– Шарлотта?

– Что? – обернулась я.

– Ты должна чаще играть для других.

Мне нечего было сказать на это. Я чувствовала себя странно уязвимой и преданной той музыкой, которая впервые за год вышла из-под моих рук. Я застегнула дождевик.

Ной повернулся к выходящим на улицу окнам.

– На улице дождь? Я его не слышу.

– Нет, дождя нет.

– Тогда зачем тебе дождевик?

Я опустила взгляд на рукав.

– Как ты узнал?

Ной снова помрачнел, голос ожесточился.

– Я слышу шорох нейлона. Неважно, иди.

Шорох нейлона. Ничего себе.

– Хорошо. Увидимся в понедельник, – я поморщилась. – То есть я вернусь в понедельник.

Ровно в восемь утра.

И почти дошла до ведущей вниз лестницы, когда Ной ответил:

– Увидимся, Шарлотта.

Глава 9

Шарлотта

Рабочая неделя пролетела быстро, и в субботу я завербовала Энтони, Мелани и Эрикис-эма помочь мне переехать. Впятером мы быстро с этим справились и уже к обеду перевезли мои скромные пожитки на первый этаж дома Ноя. Из уважения к нему я не пустила никого на второй этаж и ограничила все разговоры о нем до той минуты, пока мы не закончили с делами и не устроились в местной закусочной с пищей.

– Так странно, что он не какой-то безумный старик, – сказал Энтони. – Я думал, затворниками становятся в довольно преклонном возрасте, лет так с шестидесяти пяти.

– Он не затворник, не прямом смысле этого слова. Он просто пытается привыкнуть к своей слепоте. Случившееся с ним ужасно, и он столько всего потерял...

– Надеюсь, ты будешь осторожна, – заметила Мелани. – Ты толком не знаешь этого парня, но при этом собираешься жить в его доме?

– С ним мне ничего не грозит, – ответила я. – И у меня замок на двери в спальню. Буду запираюсь, – успокоила я подругу, хотя знала, что мне это не понадобится. Ной тот еще грубиян, но он неопасен. Я это чувствовала, но объяснить не могла, поэтому даже не пыталась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.